

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЁВ

**ЧТЕНИЯ И РАССКАЗЫ
ПО ИСТОРИИ РОССИИ**

Сергей Соловьев

**Чтения и рассказы
по истории России**

«Public Domain»

2015

УДК 94(47)
ББК 63.3.(2)

Соловьев С. М.

Чтения и рассказы по истории России / С. М. Соловьев — «Public Domain», 2015

ISBN 978-5-699-84061-8

Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) – великий русский историк. В книгу включены знаменитые произведения по истории России с древнейших времен до времени Петра I. «Русская летопись для первоначального чтения», «Публичные чтения о Петре Великом», материалы из «Истории России с древнейших времен».

УДК 94(47)
ББК 63.3.(2)

ISBN 978-5-699-84061-8

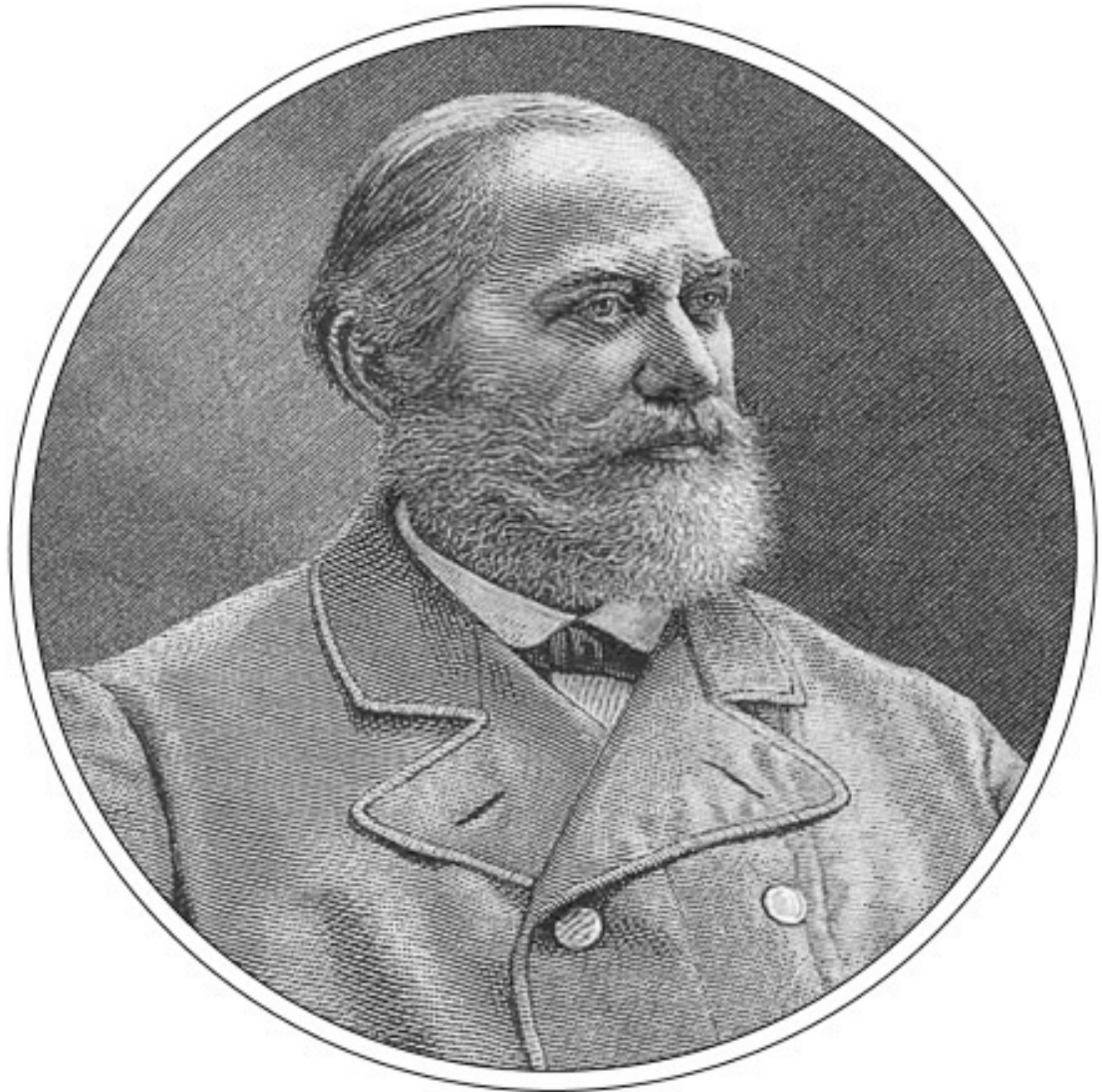
© Соловьев С. М., 2015
© Public Domain, 2015

Содержание

Предисловие	6
Русская летопись для первоначального чтения	10
Предисловие	10
Глава I	11
Глава II	14
Глава III	17
Глава IV	20
Глава V	22
Глава VI	26
Глава VII	29
Глава VIII	34
Глава IX	36
Глава X	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Михайлович Соловьев

Чтения и рассказы по истории России

Сергей Михайлович Соловьев
(1820–1879)

В книге сохранена авторская пунктуация

В оформлении обложки использованы фрагменты миниатюры из рукописи «История Петра I», XVIII век

Предисловие

(к «Истории России с древнейших времен»)

Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века, не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной; его обязанность предупредить их только об основной мысли труда.

Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, – вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда.

Русская история открывается тем явлением, что несколько племен, не видя возможности выхода из родового, особенного быта, призывают князя из чужого рода, призывают единую общую власть, которая соединяет роды в одно целое, дает им наряд, сосредоточивает силы северных племен, пользуется этими силами для сосредоточения остальных племен нынешней Средней и Южной России. Здесь главный вопрос для историка состоит в том, как определились отношения между призванным правительственным началом и призванными племенами, равно и теми, которые были подчинены впоследствии; как изменился быт этих племен вследствие влияния правительственного начала – непосредственно и посредством другого начала – дружины, и как, в свою очередь, быт племен действовал на определение отношений между правительственным началом и остальным народонаселением при установлении внутреннего порядка или наряда. Замечаем именно могущественное влияние этого быта, замечаем другие влияния, влияние грекоримское, которое проникает вследствие принятия христианства от Византии и обнаруживается преимущественно в области права. Но, кроме греков, новорожденная Русь находится в тесной связи, в беспрестанных сношениях с другим европейским народом – с норманнами: от них пришли первые князья, норманны составляли главным образом первоначальную дружину, беспрестанно являлись при дворе наших князей, как наемники участвовали почти во всех походах, – каково же было их влияние? Оказывается, что оно было незначительно. Норманны не были господствующим племенем, они только служили князьям туземных племен; многие служили только временно; те же, которые оставались в Руси навсегда, по своей численной незначительности быстро сливались с туземцами, тем более что в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию. Таким образом, при начале русского общества не может быть речи о господстве норманнов, о норманнском периоде.

Выше замечено, что быт племен, быт родовой могущественно действовал при определении отношений между правительственным началом и остальным народонаселением. Этот быт долженствовал потерпеть изменения вследствие влияния новых начал, но оставался еще столько могущественным, что, в свою очередь, действовал на изменявшие его начала; и когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между членами ее начинают господствовать родовые отношения, тем более что род Рюрика, как род владетельный, не подчинялся влиянию никакого другого начала. Князья считают всю Русскую землю в общем, нераздельном владении целого рода своего, причем старший в роде, великий князь, сидит на старшем столе, другие родичи смотря по степени своего старшинства занимают другие столы, другие волости, более или менее значительные; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тем, что когда умрет старший или великий князь, то достоинство его вместе с главным столом переходит не к старшему сыну его, но к старшему в целом роде княжеском; этот старший перемещается на главный

стол, причем перемещаются и остальные родичи на те столы, которые теперь соответствуют их степени старшинства. Такие отношения в роде правителей, такой порядок преемства, такие переходы князей могущественно действуют на весь общественный быт Древней Руси, на определение отношений правительственного начала к дружине и к остальному народонаселению, одним словом, находятся на первом плане, характеризуют время.

Начало перемены в означенном порядке вещей мы замечаем во второй половине XII века, когда Северная Русь выступает на сцену; замечаем здесь, на севере, новые начала, новые отношения, имеющие произвести новый порядок вещей, замечаем перемену в отношениях старшего князя к младшим, ослабление родовой связи между княжескими линиями, из которых каждая стремится увеличить свои силы за счет других линий и подчинить себе последние уже в государственном смысле. Таким образом, чрез ослабление родовой связи между княжескими линиями, чрез их отчуждение друг от друга и чрез видимое нарушение единства Русской земли готовится путь к ее собиранию, сосредоточению, сплочению частей около одного центра, под властью одного государя.

Первым следствием ослабления родовой связи между княжескими линиями, отчуждения их друг от друга было временное отделение Южной Руси от Северной, последовавшее по смерти Всеволода III. Не имея таких прочных основ государственного быта, какими обладала Северная Русь, Южная Русь после татарского нашествия подпала под власть князей литовских. Это обстоятельство не было губительно для народности югозападных русских областей, потому что литовские завоеватели приняли русскую веру, русский язык, все оставалось постарому; но губительно было для русской жизни на югозападе соединение всех литовскорусских владений с Польшею вследствие восшествия на польский престол литовского князя Ягайла: с этих пор ЮгоЗападная Русь должна была вступить в бесплодную для своего народного развития борьбу с Польшею для сохранения своей народности, основою которой была вера; успех этой борьбы, возможность для ЮгоЗападной Руси сохранить свою народность условливались ходом дел в Северной Руси, ее самостоятельностью и могуществом.

Здесь новый порядок вещей утверждался неослабно. Вскоре по смерти Всеволода III, по отделении Южной Руси от Северной, явились и в последней татары, опустошили значительную ее часть, наложили дань на жителей, заставили князей брать от ханов ярлыки на княжение. Так как для нас предметом первой важности была смена старого порядка вещей новым, переход родовых княжеских отношений в государственные, отчего зависело единство, могущество Руси и перемена внутреннего порядка, и так как начала нового порядка вещей на севере мы замечаем прежде татар, то монгольские отношения должны быть важны для нас в той мере, в какой содействовали утверждению этого нового порядка вещей. Мы замечаем, что влияние татар не было здесь главным и решительным. Татары остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя все как было, следовательно, оставляя на полной свободе действовать те новые отношения, какие начались на севере прежде них. Ярлык ханский не утверждал князя неприкосновенным на столе, он только обеспечивал волость его от татарского нашествия; в своих борьбах князья не обращали внимания на ярлыки; они знали, что всякий из них, кто свезет больше денег в Орду, получит ярлык преимущественно перед другим и войско на помощь. Независимо от татар обнаруживаются на севере явления, знаменующие новый порядок, – именно ослабление родовой связи, восстания сильнейших князей на слабейших мимо родовых прав, старание приобрести средства к усилению своего княжества на счет других. Татары в этой борьбе являются для князей только орудиями, следовательно, историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий – именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные – и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений.

Борьба отдельных княжеств оканчивается на севере тем, что княжество Московское вследствие разных обстоятельств пересиливает все остальные, московские князья начинают собирать Русскую землю: постепенно подчиняют и потом присоединяют они к своему владению остальные княжества, постепенно в собственном роде их родовые отношения уступают место государственным, удельные князья теряют права свои одно за другим, пока, наконец, в завещании Иоанна IV удельный князь становится совершенно подданным великого князя, старшего брата, который носит уже титул царя. Это главное, основное явление – переход родовых отношений между князьями в государственные – условливает ряд других явлений, сильно отзываясь в отношениях правительственного начала к дружине и остальному народонаселению; единство, соединение частей условливает силу, которою новое государство пользуется для того, чтобы победить татар и начать наступательное движение на Азию; с другой стороны, усиление Северной Руси вследствие нового порядка вещей условливает успешную борьбу ее с королевством Польским, постоянною целию которой становится соединение обеих половин Руси под одною державою; наконец, соединение частей, единовластие, окончание внутренней борьбы дает Московскому государству возможность войти в сношения с европейскими государствами, готовить себе место среди них.

В таком положении находилась Русь в конце XVI века, когда пресеклась Рюрикова династия. Начало XVII века ознаменовано страшными смутами, грозившими юному государству разрушением. Крамолами людей, питавших старинные притязания, нарушена была духовная и материальная связь областей с правительственным средоточием: части разрознились в противоположных стремлениях, Земля замутилась; своекорыстным стремлениям людей, хотевших воспользоваться таким положением дел для своих выгод, хотевших жить на счет государства, открылось свободное поприще. Несмотря, однако, на страшные удары, на множество врагов внутренних и внешних, государство спаслось; связь религиозная и связь гражданская были в нем так сильны, что, несмотря на отсутствие видимого сосредоточивающего начала, части соединились, государство было очищено от врагов внутренних и внешних, избран государь всю Землю. Так юное государство со славою выдержало тяжкое испытание, при котором ясно выказалась его крепость.

С новою династиею начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь России среди европейских держав. При первых трех государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований: является постоянное войско, обученное иностранному строю, готовится, следовательно, важнейшая перемена в судьбе древнего служивого сословия, так сильно отзывавшаяся в общественном строе; видим начатки кораблестроения; видим стремление установить нашу торговлю на новых началах; иностранцам даются привилегии для учреждения фабрик, заводов; внешние сношения начинают принимать другой характер; громко высказывается необходимость просвещения, заводятся училища; при дворе и в домах частных людей являются новые обычаи; определяются отношения церкви к государству. Преобразователь воспитывается уже в понятиях преобразования, вместе с обществом готовится он идти только далее по начертанному пути, докончить начатое, решить нерешенное. Так тесно связан в нашей истории XVII век с первой половиною XVIII, разделять их нельзя. Во второй половине XVIII века замечаем новое направление: заимствование плодов европейской цивилизации с исключительною целию материального благосостояния оказывается недостаточным, является потребность в духовном, нравственном просвещении, потребность вложить *душу* в приготовленное прежде *тело*, как выражались лучшие люди эпохи. Наконец, в наше время просвещение принесло свой необходимый плод – познание вообще привело к *самопознанию*.

Таков ход русской истории, такова связь главных явлений, в ней замечаемых.

Русская летопись для первоначального чтения

Предисловие

Еще в 1846 году профессор Редкин предложил мне поместить в издаваемой им *Новой Библиотеке для воспитания* несколько статей по русской истории, приспособленных к понятиям тех читателей, для которых назначалось его издание. Я не нашел ничего, более соответствующего этой цели, как представить извлечения из древней русской летописи до половины XIII века на новом русском языке, но с возможным сохранением формы и духа памятника, извлечения не отрывочные, но с характером непрерывного повествования. Начиная этот труд, я руководился следующими побуждениями: во-первых, я думал, что нет ничего доступнее для молодых читателей, как простое и вместе с тем живое повествование древних наших летописцев, повествование безыскусственное о делах юного народа, только что начавшего общественную жизнь с ее первоначальными, простыми отношениями; во-вторых, я считал полезным познакомить молодых русских читателей с самым важным памятником нашей древней литературы, тем более что многие из них, по своим специальным занятиям, будут не в состоянии познакомиться с ним в подлиннике, в-третьих, наконец, я имел в виду пользу, какая могла произойти от моего труда для изучения того периода русской истории, который всего более затрудняет юношество в сухих учебниках; причины же, по которым я избрал именно только древнюю русскую летопись до половины XIII века, надеюсь, будут понятны всякому, кто знаком с источниками нашей древней истории: известно, что летописи после половины XIII века теряют уже те живые краски, которыми отличаются летописи древние.

Профессор Сергей Соловьев

Глава I

О том, как началась Русская земля и кто были первые князья в Киеве

Вот повесть о том, откуда пошла Русская земля, кто начал первый княжить в Киеве и как стала Русская земля.

Мы так начнем эту повесть. После потопа три сына Ноевы, Сим, Хам и Афет, разделили землю: восток достался Симу, южная страна Хаму, север и запад Афету; от племени Афетова пошел народ славянский. Спустя много времени славяне сели по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись по земле многие народы и назвались каждый своим именем, где кто сел на каком месте; так, например, одни поселились на реке именем Морава и назвались моравами, и другие назвались чехами; а вот тоже славяне: белые хорваты, сербы и хорутане. Когда волохи напали на славян подунайских, поселились сзади них и стали их притеснять, то славяне опять начали двигаться к северу: так одни пришли и сели на Висле и прозвались ляхами; от этих ляхов пошли поляки, лутичи, мазовшане, поморяне. Другие славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, иные древлянами, потому что стали жить в лесах; а некоторые стали между Припятью и Двиною и назвались дреговичами; полочане прозвались от речки именем Полоты, которая впадает в Двину. Те, которые поселились около озера Илменя, прозвались своим именем, славянами; они построили себе город, назвали его Новгородом. Так разошелся славянский народ.

Все эти племена жили особо друг от друга, каждое на своем месте с своими нравами, обычаями и преданиями. У полян были обычаи кроткие и тихие, а другие племена жили как звери. Между полянами были три брата: одному имя Кий, другому Щек, третьему Хорив, сестру их звали Лыбедью. Они построили город и назвали его, по имени старшего брата, Киевом. По смерти этих братьев древляне и другие окольные народы стали притеснять полян; тогда пришли к ним козары и сказали: «Платите нам дань». Поляне подумали и дали им по мечу от каждого дома. Козары принесли мечи к князю своему и старшинам и сказали: «Вот мы нашли новую дань». Старшины спросили: «Откуда вы это взяли?» «Да вот там, в лесу, на горе, над рекою Днепровскою», – отвечали они. Тогда старцы козарские сказали: «Ох, не хороша эта дань, князь! мы воюем саблями, острыми с одной только стороны, а у этого народа мечи с обеих сторон острые: будут они брать дань и на нас, и на других странах». – Так и сбылось, как предсказали старцы: русские и до сих пор владеют козарами.

В то время, как поляне, северяне и другие племена платили дань козарам, по белке с каждого дома, варяги изза моря брали дань на славянах новгородских, на кривичах, также на чуди и мери. Скоро, однако, эти народы прогнали варягов за море, перестали давать им дань и начали владеть сами собою. Но прогнав варягов, они никак не могли уладиться друг с другом и начали междоусобные войны. Тогда они стали говорить между собою: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил все дела справедливо»; – отправили послов к варягам к руси; русью назывались варяги точно так же, как другие зовутся шведами, иные норвежцами, англичанами, готами. Чудь, новгородцы и кривичи сказали руси: «Земля наша велика и обильна, да порядка в ней нет, пойдите княжить и владеть нами». Собрались три брата с родственниками своими, взяли с собою всю русь и пришли: Рюрик в Новгород, Синеус на Белоозеро, Трувор в Изборск; от нихто и прозвалась Русская земля. Через два года умерли Синеус и Трувор; Рюрик один принял всю власть и роздал города приближенным к себе людям. Двое из них, Аскольд и Дир, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились идти ко Царюгороду. Идучи вниз по Днепру, они увидели на горе городок и спросили: «Чей городок?» Жители отвечали им: «Были три брата: Кий, Щек и Хорив; онито и построили этот

город, да после изгибли, а мы вот платим дань козарам». Аскольд и Дир остались в Киеве, собрали много варягов и начали владеть полянами; а Рюрик княжил в Новгороде.

В 866 году пошли Аскольд и Дир на греков, при царе Михаиле. Царь в их время пошел было войною на аравитян, но, получив весть, что русь идет на Царьград, возвратился. Между тем Аскольд и Дир вошли в Константинопольскую гавань, перебили множество христиан и с двумястами кораблей обступили город. Царь с патриархом всю ночь молились в церкви Влахернской и потом, вынеся ризу богородицы, погрузили ее в воду. До того времени море было тихо; вдруг поднялась буря с ветром, встали волны и разбили русские корабли; очень немногие из Аскольдовых воинов спаслись от такой беды и возвратились в свою землю.

Между тем умер Рюрик, он передал княжение Олегу, своему родственнику, поручив ему и сына своего Игоря, который был еще дитя. Собрав много войска, пошел Олег к Смоленску, взял этот город и посадил в нем своих мужей. Оттуда пошел вниз, взял Любеч и посадил в нем также своих мужей. Пришедши к горам Киевским и видя, что Аскольд и Дир княжат, Олег скрыл часть воинов своих в лодках, других оставил позади, а сам пришел, неся малютку Игоря на руках. Он послал сказать Аскольду и Диру: «Мы купцы; идем в Грецию от Олега и Игоря; придите повидаться с нами». Аскольд и Дир пришли. Тогда воины повыскакали из лодок, и Олег сказал киевским князьям: «Вы не князья, не княжеского рода, но я княжеского рода, и вот сын Рюриков». Аскольда и Диру убили, понесли на гору и погребли там. Олег сел княжить в Киев и сказал: «Это будет мать русским городам», – после чего начал строить города и установил дани. Сперва Олег воевал с древлянами и заставил их давать дань по черной кунице. Потом он пошел на северян; победив их, он наложил на них дань легкую, а козарам давать дань запретил, сказавши: «Я неприятель им, а с вами у меня нет никакой вражды». Послал и к радимичам спросить: «Кому даете дань?» Они отвечали: «Козарам». Олег сказал им: «Не давайте козарам, а давайте лучше мне». Радимичи согласились.

В 907 году пошел Олег на греков, а Игоря оставил в Киеве; взял с собою варягов множество, и новгородцев, и чуди, и кривичей, и других народов. Со всеми с ними пошел Олег на конях и в кораблях и пришел к Царюгороду: греки замкнули гавань и затворили город. Олег вышел из корабля, велел корабли вытащить на берег и повоевал городские окрестности. Русские перебили множество греков, разорили дома, пожгли церкви, одним словом, поступили так, как обыкновенно поступают неприятели. Греки, видя все это, испугались, выслали к Олегу из города и сказали ему: «Возьми дани сколько хочешь». Олег согласился и возвратился в Киев, неся золото, драгоценные ткани, плоды и вина. Народ прозвал его *Вещим*.

По смерти Олега начал княжить Игорь, древляне затворились от него; Игорь пошел на них, победил и наложил дань больше, чем Олег. В 941 году пошел Игорь на греков. Болгары послали весть к императору, что идет русь на Царьгород. Русские опустошали азиатские берега до тех пор, пока не пришли греческие воеводы с востока и окружили их со всех сторон. Русские, посоветовавшись, вышли на греков, и, после злой сечи, греки едва могли одолеть. Русские сели ночью в лодки и побежали; но греческий воевода встретил их в лодках с огнем и начал пускать его трубами на русские лодки, так что было страшно смотреть. Русские, увидав пламень, пометались в морскую воду, чтоб уйти какнибудь, и таким образом возвратились домой. Пришедши, каждый рассказывал своим о чудесном огне. «У греков в руках точно молние небесное, которое они пускали и жгли нас; вот почему и не одолели мы их», – говорили воины Игоря. Игорь же, пришедши, начал собирать большое войско и послал звать варягов из моря: он опять хотел идти на греков. В 944 году Игорь в самом деле отправился к Царюгороду в лодках и на конях. Корсунцы, услышав об этом, послали сказать императору Роману: «Идет русь; кораблей у них множество; покрыли все море корабли». Также и болгары послали весть: «Идут русские, наняли и печенегов». Тогда царь послал к Игорю лучших бояр с просьбою: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег; придам и еще к той дани». Игорь, дошедши до Дуная, созвал дружину и стал думать с нею о предложении царя. Дружина сказала: «Если царь так

говорит, то чего же нам еще больше; без битвы возьмем золото, серебро и дорогие ткани. Ведь неизвестно, кто одолеет – мы или они? с морем нельзя заранее уговориться; теперь мы не по земле ходим, но по глубине морской: здесь одна смерть грозит нам всем». Игорь послушался дружины и велел печенегам воевать Болгарскую землю; а сам, взявши у греков золото и ткани на всех воинов, возвратился назад в Киев.

Вслед за князем пришли назад и послы русские и привели с собой послов от греческого царя Романа. Игорь призвал к себе греческих послов и спросил их: «Скажите, что же вам говорил царь?» Послы отвечали: «Вот царь послал нас к тебе; он очень рад миру, хочет мир иметь и любовь с русским князем: твои послы водили наших князей к присяге, и нас послали привести тебя и мужей твоих также к присяге». Игорь обещался исполнить это. На другой день он призвал послов и пошел на холм, где стоял Перун: поклали перед идолом оружие, щиты и золото, и клялись Игорь и все люди его, сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви св. Илии, что над ручьем; то была соборная церковь, потому что многие варяги были уже христиане. Игорь, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их звериными шкурами, рабами и воском. После этого Игорь начал княжить мирно в Киеве; когда же пришла осень, начал задумывать поход на древлян, желая взять с них еще больше дани. Дружина сказала ему: «Наши товарищи, которые с Свенельдом, богаты оружием и платьем, а мы наги; пойдем, князь, с нами за данью; и ты добудешь, и мы». Игорь послушался: пошел к древлянам за данью и начал обижать их; побравши дань, пошел было назад в свой город, однако на дороге раздумал и сказал дружине: «Ступайте вы с данью домой, а я возвращусь назад, похожу еще». Как сказал, так и сделал: отпустил дружину домой, а сам с немногими возвратился назад, желая взять еще больше с древлян. Те, услышав, что Игорь опять идет, начали советоваться с князем своим Малом; они говорили: «Повадится волк к овцам, перетаскает все стадо, если не убьют его; так теперь и с нами: если не убьем Игоря, то всех нас погубит». После совещания они послали сказать Игорю: «Зачем идешь опять, ведь ты уже взял всю дань». Но Игорь не послушался их; тогда древляне вышли из города и убили Игоря и дружину его, потому что ее было очень мало.

Глава II

О том, как Ольга отмстила древлянам за смерть своего мужа и установила порядок в земле, как приняла святое крещение, и как сын ее Святослав воевал с разными народами

Услыхав о смерти Игоря, жена его Ольга, вместе с сыном Святославом, собрала большое и храброе войско и пошла на древлянскую землю. Древляне вышли против нее; когда оба полка сошлись, Святослав бросил копьем в древлян; копье, пролетев между ушей его лошади, ударило ей в ноги, потому что Святослав был еще дитя и не умел владеть копьем. Тогда Свенельд и Асмуд, дядьки Святослава, сказали: «Князь уже начал; пойдем, дружина, за князем». Древляне были побеждены, побежали, затворились в своем городе. Ольга взяла город и сожгла его; старшин городских взяла в плен, а прочих людей иных убила, других отдала в рабство своим приближенным, остальных обложила тяжелой данью. Кончив войну, пошла Ольга с сыном и дружиною по древлянской земле; установила везде дани и оброки. Потом пришла в город свой Киев, и, пробыв здесь год, отправилась к Новгороду, и по дороге устала везде так же оброки и дани.

В 955 году пошла Ольга в Грецию и пришла в Царьгород. Там приняла христианскую веру и, возвратясь в Киев, уговаривала и Святослава креститься; но он и слышать не хотел о том; если же кто другой хотел креститься, то ему не мешали, но только смеялись над ним. Часто Ольга говаривала сыну: «Я рада, что узнала истинного бога, и ты будешь радоваться, когда узнаешь его». Святослав обыкновенно отвечал на это: «Как мне одному принять новую веру? дружина станет смеяться надо мною!» Тогда Ольга говорила ему: «Если ты крестишься, то и все станут делать то же». Но Святослав не слушался матери и жил по языческим обычаям.

Когда он вырос и возмужал, то начал собирать около себя много храбрых воинов; ходил легко, как барс, и только и делал, что воевал. В походах не возил за собою ни возов, ни котлов и не возил мяса; но, изрезав тонкими ломтиками конское мясо, или какогонибудь другого зверя, или говядину, пек сам на углях и так ел. Шатра у Святослава также не было, а спал он на войлоке, положив седло в головы, точно так же жили и все остальные воины. Он посылал к разным народам сказать им: «Хочу идти на вас». Ходил на Оку и на Волгу; на Оке нашел вятичей и спросил их: «Кому дань даете?» Вятичи отвечали: «Козарам». Тогда пошел Святослав на козар, победил их и взял их город; потом победил ясов и косогов; наконец пошел на Дунай, на болгаров, одолел их, побрал города по Дунаю и сел княжить здесь в Переяславце.

Между тем пришли в первый раз печенеги на Русскую землю, а Святослав был в Переяславце. Ольга затворилась в Киеве со внуками своими: Ярополком, Олегом и Владимиром. Печенеги обступили город со всех сторон, так что нельзя было ни выйти из города, ни вести послать; народ изнемог от голода и жажды. Жители другой стороны Днепра собрались в лодках, но ни одному из них нельзя было пробраться в город, ни из города к ним. Встужили тогда киевляне и стали говорить: «Нет ли кого, кто бы мог пройти на ту сторону и сказать им: если завтра никто нас не выручит, то сдадимся печенегам». Вызвался один мальчик и сказал: «Я перейду», – и точно пошел с уздой из города, и ходил между печенегами и спрашивал: «Не видал ли кто его лошади?» (Он умел говорить попеченежски, так что печенеги приняли его за своего.) Когда же он дошел до реки, то скинул платье, бросился в Днепр и поплыл; увидав это, печенеги кинулись за ним и начали стрелять, но не могли уже ему ничего сделать, потому что жители другой стороны Днепра подъехали к нему и взяли его в лодку. Мальчик сказал им: «Если не подступите завтра к городу, то жители его хотят сдаться печенегам». Тогда воевода, именем Претич, сказал: «Подступим завтра в лодках к городу, схватим княгиню и молодых князей и умчим их на нашу сторону; если же так не сделаем, то Святослав погубит нас». На другой день, сев в лодки на рассвете, начали они громко трубить; а люди в городе отвечали

им радостными кликами. Печенеги подумали, что сам князь пришел, и побежали от города в разные стороны, а Ольга со внуками вышла к лодкам. Увидав это, князь печенежский возвратился один к воеводе Претичу и сказал: «Кто это пришел?» Ему отвечали: «Лодки с той стороны». Князь печенежский спросил опять у Претича: «А ты князь ли?» Претич отвечал: «Я его воевода и пришел с передовыми, а за мною идет полк с князем – бесчисленное множество народа». Все это он наказывал, чтоб испугать печенегов. Тогда печенежский князь сказал Претичу: «Будь мне другом»; Претич отвечал: «Пожалуй». Печенежский князь подарил Претичу коня, саблю и стрелы, а воевода подарил ему броню, щит и меч. Печенеги отступили от города. Тогда киевляне послали сказать Святославу: «Ты, князь, ищешь чужой земли и берешь ее, а до своей тебе и дела нет; нас чуть было не взяли печенеги, вместе с твоею матерью и детьми; если ты не придешь и не оборонишь нас, то нас опять возьмут печенеги: видно, тебе не жаль родной земли, ни материстарухи, ни детей». Услыхав такие вести, Святослав тотчас же сел на коней с дружиною и приехал в Киев: рад он был, что нашел мать и детей своих в безопасности; но очень жалел, что случилась с ними такая беда от печенегов, и, собрав войско, прогнал варваров в степи, после чего настало мирное время.

Скоро наскучило Святославу в Киеве; он стал говорить матери своей: «Не нравится мне здесь, хочу жить в Переяславце на Дунае; там середина земли моей; туда привозится все доброе: из Греции идет туда золото, ткани, вина, плоды разные; из Богемии и Венгрии серебро и кони; из Руси звериные шкуры, воск, мед и рабы». Ольга отвечала ему на это: «Разве не видишь, что я уже больна; куда же ты хочешь от меня уйти? похорони меня по крайней мере, а там уже ступай, куда хочешь». Через три дня после этого разговора Ольга умерла; сын, внуки и весь народ горько плакали по ней; потом вынесли тело и погребли. Ольга перед смертью не велела делать над собою тризны¹, потому что при ней был священник, который и похоронил ее.

По смерти матери Святослав посадил Ярополка в Киев, а Олега у древлян. В то же время пришли новгородцы просить также себе князя; они говорили: «Если не пойдете к нам, то найдем себе другого князя». Святослав отвечал им: «Да кто же пойдет к вам?» Ярополк и Олег отказались идти в Новгород. Тогда Добрыня сказал новгородцам: «Просите Владимира». (Добрыня был дядя Владимиру.) Новгородцы так и сделали. Тогда Святослав сказал им: «Вот вам князь, возьмите». Таким образом Владимир пошел в Новгород с дядею своим Добрынею, а Святослав в Переяславец.

Когда пришел Святослав к Переяславцу, то болгары затворились в городе и не пустили его; потом вышли они из города на сечу против русского князя; сеча была злая, и болгары начали одолевать. Тогда Святослав сказал своим воинам: «Видно, уже нам здесь умереть; так станем же биться мужественно, братья и дружина!» К вечеру одолел Святослав, взял город приступом и послал сказать грекам: «Хочу на вас идти, взять и ваш город, как взял этот». Греки отвечали: «Мы не сможем бороться с вами; но возьми с нас дань и на дружину свою; для этого скажите, сколько вас, чтобы нам расчесться по числу людей». Греки говорили таким образом, желая обмануть русских. Святослав отвечал им: «Нас двадцать тысяч»; десять тысяч он прибавил, потому что русских всего было десять тысяч. Тогда греки собрали девяносто тысяч войска на Святослава и не дали ему дани; Святослав пошел на греков. Когда же русские увидели против себя такое множество войска, то испугались; Святослав сказал: «Уже нам теперь некуда деться; волею и неволею должны биться; не посраим Русской земли, но ляжем здесь костями; мертвым не стыдно, а если побегим, то ляжет на нас стыд, от которого некуда уйти; станем же лучше крепко, я пойду перед вами; когда же голова моя ляжет, тогда думайте сами о себе». Воины отвечали ему: «Где твоя голова ляжет, там и мы свои сложим». Русь приготовилась к битве, и была сеча злая. Святослав одолел; греки побежали. Тогда Святослав пошел к Византии, воюя и разбивая по дороге города. Царь созвал бояр своих в палату и спросил: «Что

¹ Тризна – языческий обряд, употреблявшийся при погребении.

нам делать? не можем никак одолеть русских». Бояре отвечали: «Пошли ко Святославу дары, поизведать, на что он больше падок: на золото или на дорогие ткани?» Так и сделали: послали с умным человеком к Святославу золото и ткани, наказавши послу: «Смотри, замечай хорошенько, какими глазами он будет глядеть на подарки». Посол, взяв дары, отправился. Святославу доложили, что пришли греки с поклоном; тогда он сказал: «Введите их сюда». Греки вошли, поклонились и разложили перед Святославом золото и ткани; Святослав, смотря равнодушно по сторонам, сказал слугам: «Спрячьте это». Послы возвратились; царь созвал опять бояр; послы сказали им: «Как пришли мы к Святославу и подали дары, то он и не посмотрел на них, велел только спрятать». Тогда один боярин сказал царю: «Попытайся еще, пошли к нему оружие». Совет был принят, послали к Святославу меч и разное другое оружие; когда же принесли к нему, то он взял, начал хвалить, любоваться и велел благодарить царя. Узнав о таком приеме, бояре сказали царю: «Должен же быть храбр этот человек, когда пренебрегает именем, а берет только одно оружие; делать нечего, приходится дать ему дань». Тогда царь послал сказать Святославу: «Не ходи к городу, но возьми дань, сколько хочешь». Святослав взял богатые дары и возвратился в Переяславец; но, увидав, что дружины осталось мало, начал думать: «Что, если какоюнибудь хитростию перебьют дружину мою и меня? пойти лучше в Русь, привести побольше дружины». Для этого он послал сказать царю: «Хочу иметь с тобою твердый мир». Царь обрадовался и послал ему дары еще больше, чем прежде. Святослав принял дары и начал советоваться с дружиною, причем говорил: «Если не заключим мира с царем и он узнает, что нас мало, то, пришед, обступят нас в городе; а Русская земля далеко; печенеги с нами в войне; кто нам тогда поможет? заключим лучше мир с царем; греки уже взялись давать нам дань: будет с нас; если же перестанут платить, то пойдем опять к Царюгороду, тогда уже возьмем больше войска». Эта речь понравилась дружине.

Заклучив мир с греками, Святослав пошел в лодках к порогам. Отцовский воевода Свенельд говорил ему: «Пойди лучше, князь, на конях, печенеги стоят около порогов». Святослав не послушался его и пошел в лодках. Тогда переяславцы послали сказать печенегам: «Идет Святослав в Русь пешком, с большим именем и с малой дружиною». Услыхав об этом, печенеги заступили пороги, и когда Святослав пришел, то негде уже было пройти. Русские стали зимовать в Белобережьи; съестные припасы у них повышли, и сделался большой голод. Так провел Святослав всю зиму. Весною двинулся он вперед; но печенежский князь Куря напал на него и убил, а Свенельд пришел в Киев к Ярополку.

Глава III

О том, как сыновья Святослава воевали между собою, как Владимир овладел Киевом и как принял христианскую веру

В 975 году сын Свенельда, именем Лют, вышел из Киева в лес на охоту; тут увидал его Олег, князь древлянский, и спросил у своих: «Кто это такой?» Ему отвечали: «Сын Свенельда»; тогда Олег напал и убил Свенельдича за то, что тот охотился с ним вместе в одном лесу. Отсюда пошла ненависть между Ярополком и Олегом; Свенельд, желая отомстить за сына, все подготавливал Ярополка: «Пойди на брата и отними у него владение». На третий год Ярополк пошел на Олега, в древлянскую землю; Олег вышел к нему навстречу, и стали биться: князь киевский победил древлянского. Когда Олег с воинами своими бежал в город именем Овручъ, то на мосту, перекинутом через ров к городским воротам, столпилось множество беглецов, и в тесноте воины спихивали друг друга в ров, в том же числе спихнули и самого Олега; за ним попадало еще много воинов, даже на лошадях, и лошади передавливали людей. Между тем Ярополк вошел в город Олегов, захватил там всю власть и послал искать своего брата; искали, искали – и нигде не нашли; тогда один древлянин сказал: «Я видел, как вчера спихнули его с моста». Услыхав это, Ярополк велел искать брата во рву: с утра до полудни вытаскивали трупы изо рва; наконец нашли Олега на самом исподу, внесли во дворец княжеский и положили на ковре. Пришел Ярополк и начал над ним плакать, он говорил Свенельду: «Полюбуйсяка, вот чего тебе хотелось!» Олега погребли у города Овруча. Тогда Владимир, услыхав в Новгороде, что Ярополк убил Олега, испугался и бежал за море, а Ярополк посадил в Новгороде своих посадников и владел один на Руси.

В 980 году пришел Владимир с варягами в Новгород и сказал Ярополковым посадникам: «Ступайте к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя; пристроивайся к битве». Отпустив посадников, Владимир сел в Новгороде и послал в Полоцк, к тамошнему князю Рогволоду, свататься на его дочери Рогнеде. Рогволод спросил у дочери: «Хочешь ли выйти за Владимира?» Она отвечала: «Нет, не пойду за сына рабыни, а пойду лучше за Ярополка, великого князя киевского». Послы Владимира, возвратясь, пересказали ему всю речь Рогнедину; тогда Владимир, собрав большое войско, варягов и славян, чудь и кривичей, пошел на Рогволода. В то самое время как уже хотели вести Рогнеду к Ярополку, пришел Владимир на Полоцк, убил Рогволода, двоих сыновей его, а дочь взял за себя и пошел на Ярополка.

Когда Владимир пришел к Киеву со множеством войска, то Ярополк не мог противиться ему и затворился в городе с людьми своими и с воеводою Блудом. К этому Блуду Владимир прислал с такими речами: «Возьми мою сторону; если мне удастся убить брата, то ты будешь мне вместо отца и получишь от меня большую честь; ведь не я начал убивать братьев, а он: я же пришел на него из страха, чтоб он и меня не убил». Блуд отвечал послам Владимировым, что будет помогать их князю; и точно, беспрестанно ссылаясь с ним, убеждая приступить к городу, а Ярополка обманывал, мысля убить его; но по причине граждан нельзя было этого сделать. Тогда Блуд замыслил погубить Ярополка коварством и начал отсоветовать ему выходить из города на битву, говоря: «Беги скорее из Киева; киевляне пересылаются с Владимиром, зовут его на приступ к городу, обещаясь предать тебя ему». Ярополк послушался, выбежал из Киева и затворился в городе Родне, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне, где скоро сделался страшный голод; есть пословица теперь: «Беда точно в Родне». В таких обстоятельствах Блуд начал говорить Ярополку: «Видишь, сколько войска у твоего брата; нам его не пересилить; заключай скорее мир». Ярополк отвечал: «Хорошо». Тогда Блуд послал сказать Владимиру: «Мысль твоя сбылась; я приведу к тебе Ярополка, а ты распорядишься как бы убить его». Получив это известие, Владимир пошел на отцовский теремный двор и сел там с дружи-

ною, а Блуд между тем говорил Ярополку: «Ступай к брату и скажи ему: что мне дашь, тем и буду доволен». Ярополк пошел, хотя верный слуга его Варяж и говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги лучше к печенегам и приведи оттуда войско»; но князь не послушался. Когда Ярополк пришел ко Владимиру и стал входить в двери, то два варяга пронзили его мечами под пазуху, а Блуд между тем захлопнул за ним двери и не дал Ярополковой дружине войти за своим князем; так был убит Ярополк.

После этого варяги сказали Владимиру: «Городто наш; ведь мы его взяли, и потому хотим брать окуп на гражданах, по две гривны с человека». Владимир отвечал им: «Подождите немного, пока сберут деньги за месяц». Варяги ждали, ждали – и ничего не получили; тогда они сказали Владимиру: «Обманул ты нас; позволь нам по крайней мере идти в Грецию». Владимир отвечал: «Ступайте». Потом выбрал из них мужей добрых, смысленных и храбрых и роздал им города; другие же пошли в Царьград, к грекам. Но Владимир еще прежде них послал сказать императору: «Идут к тебе варяги: не держи их в городе, а не то наделают они тебе бед, какие и у нас здесь; лучше разошли их по разным местам, а сюда к нам не пускай ни одного». После этого начал княжить Владимир в Киеве один и поставил разные кумиры на холму, за двором теремным: Перуна деревянного, а голова у него серебряная, ус золотой; кроме него – Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. Приносили им жертвы, называя богами своими; приводили сыновей своих и дочерей и приносили жертвы богам: осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Но бог не хотел смерти грешникам; на том холме теперь церковь стоит св. Василия; но об этом после скажем, а теперь к прежнему возвратимся.

Пошел Владимир на ляхов и занял города их – Перемышль, Червен и другие, которые и теперь под Русью; победил вятичей и наложил на них дань от плуга, как и отец его брал. Когда князь пришел в Киев и приносил жертву кумирам, вместе с людьми своими, то старцы и бояре сказали: «Бросим жребий на мальчиков и девиц; на кого падет, того и зарежем богам». В это время жил в Киеве один варяг; двор его стоял там, где теперь церковь св. Богородицы, построенная Владимиром; варяг этот пришел из Греции, держал веру христианскую, и был у него сын прекрасный лицом и душою; на него то и пал жребий. Посланные от народа пришли к старому варягу и сказали: «На твоего сына пал жребий; боги выбрали его себе, чтоб мы принесли его им в жертву». Варяг отвечал: «То не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгниет; ни едят, ни пьют, ни говорят; сделаны руками из дерева; бог же один, которому служат греки и кланяются; он сотворил небо и землю, звезды и луну, и солнце, и человека и дал ему жить на земле; а эти боги что сотворили? они сами сделаны руками человеческими; не дам сына своего бесам». Посланные пересказали слова варяга гражданам; тогда народ, взяв оружие, пошел на варяга и разломал забор около его дома. Варяг стоял на сених с сыном; ему кричали: «Отдай сына; нам нужно принести его в жертву богам». Он отвечал: «Если то в самом деле боги, то пусть pošлют одного бога взять моего сына; а вы из чего так хлопочете?» В народе раздался яростный крик; толпа бросилась, подрубили сени под обоими варягами; и таким образом убили их, и никто не знает, где их похоронили.

В 988 году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий; корсунцы заперлись в городе и крепко оборонялись. Владимир послал сказать им: «Если не сдадитесь, то три года простою здесь»; но они не послушались. Тогда Владимир, устроив свое войско, велел делать насыпи около города; но корсунцы, подкопав городскую стену, уносили насыпанную землю к себе в город. В это время один житель корсунский, именем Настас, пустил стрелу в стан русский, а на стреле было написано: «На востоке от тебя колодезь; из него вода идет по трубе в город; откопай колодезь и перейми воду». Владимир тотчас велел копать, и точно воду переняли у граждан; тогда последние, изнемогши от жажды, сдались. Владимир вошел в город с дружиною и послал сказать императорам Василию и Константину: «Вот я взял ваш славный город; слышу, что у вас есть сестра девица: если вы не отдадите ее за меня, то и стольному городу вашему будет то же, что и Корсуню». Оба царя, услышав это, сильно огорчились и отве-

чали: «Неприлично христианам выдавать сестер своих за неверных; если крестишься, то и сестру нашу получишь и вместе с нею царство небесное, а с нами будешь единоверник; если же не хочешь креститься, то не можем выдать за тебя сестры». Владимир отвечал послам императорским: «Скажите царям, что я готов креститься, потому что и прежде испытал ваш закон, и мне нравится ваша вера и богослужение». Цари, услыша это, обрадовались и послали ко Владимиру сестру свою, именем Анну, которую насилу уговорили идти; она села на корабль, простилась с родными и с плачем поплыла через море. Когда царевна приехала в Корсунь, Владимир крестился, а после крещения обвенчался на Анне и пошел с нею в Киев. Пришед туда, он велел повестить народу: «Кто не придет к реке креститься, богатый ли или бедный, тот будет мне противен». Услыхав это, люди шли с радостью, говоря: «Если б эта вера была не хороша, то князь и бояре не приняли бы ее». На другой день Владимир вышел с духовенством на Днепр, куда собралось множество людей: все вошли в воду и стояли в ней – одни по шею, другие по грудь, малолетные у берега, возрастные же дальше, и держали на руках младенцев, а священники читали молитвы.

Глава IV

О том, как Владимир воевал с печенегами, и о смерти Владимира

Владимир велел строить церкви в Киеве и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры; так поставил он церковь св. Василия на холме, где прежде стоял Перун и где приносили жертвы князь и люди; и по другим городам начал ставить церкви и к ним священников, и людей приводить на крещение по всем городам и селам. Послал также взять у лучших граждан детей и отдать их в книжное ученье; при этом матери плакали по своим детям, как по мертвецах, потому что не были еще утверждены в вере.

В 991 году пошел Владимир на хорватов. Только что возвратился он с Хорватской войны, и вот печенеги пришли с той стороны, от реки Сулы; Владимир пошел против врагов и встретил их на реке Трубеж. Русские стали на этой стороне, а печенеги на той, и не смели ни наши перейти на печенежскую сторону, ни печенеги на нашу. Тогда приехал князь печенежский к реке, позвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего воина, и я своего – пусть борются, и если твой осилит моего, то не будем воевать три года, если же наш одолеет, то будем разорять вашу землю целые три года». После этого разговора князья разошлись розно; Владимир, пришедши к себе в стан, послал кликать по шатрам: «Нет ли такого, кто бы взялся биться с печенегом?» – и не сыскался никто. На другое утро приехали печенеги и привели своего бойца, а у наших никого не было... Стал тужить князь Владимир и послал опять кликать по всему войску; тогда пришел к князю старик и сказал ему: «Князь! вышел я сюда на войну с четырьмя сыновьями, а пятый, меньшой, остался дома; с самого детства не было человека, кто бы одолел его: однажды он мял воловью кожу, а я стал его за что-то бранить, так он, рассердясь на меня, прорвал кожу руками». Князь, слыша это, обрадовался и послал за силачом; когда он пришел, то князь рассказал ему в чем дело; тот отвечал: «Не знаю, князь, могу ли биться с печенегом; но пусть испытают меня: нет ли здесь большого и сильного быка?» Нашли быка, большого и сильного, велели разъярить его горячим железом и пустили на волю: когда бык бежал мимо силача, тот схватил его рукою за бок и вырвал кожу с мясом. Владимир, видя это, сказал ему: «Можешь, биться с печенегом». На другое утро пришли печенеги и начали опять кричать: «Что же? нашелся ли боец? а наш уже готов!» Владимир еще за ночь велел своему бойцу вооружиться, и вот оба показались. С печенежной стороны вышел великан, страшный видом; выступил и Владимиров богатырь: он был среднего роста, и потому печенег, увидав его, начал смеяться. Размерили место между обоими полками, пустили борцов: те схватились и начали крепко щемить друг друга; наш стиснул печенега руками до смерти и ударил его о землю; тогда с обеих сторон раздался крик; печенеги побежали; русские ударили вслед за ними и прогнали их. Владимир был очень рад, сделал богатыря знатным человеком, и отца его тоже; потом возвратился в Киев с победою и славою великою.

В 995 году опять пришли печенеги к городу Василеву. Владимир вышел против них с малою дружиною, и когда вступил в битву, то не мог удержаться, побежал и едва укрылся от врагов под мостом. Тут обещался Владимир поставить церковь св. Преображения в Василеве, потому что в тот день было Преображение. Избавившись от беды, Владимир точно поставил церковь и сделал большой праздник, наварил меду и созвал бояр своих, и посадников, и старшин из всех городов, и всяких людей много, а нищим роздал триста гривен. Праздновав восемь дней, Владимир возвратился в Киев на Успение Богородицы и тут опять сделал большой праздник, созвав бесчисленное множество народа. Он приказывал всякому, нищему и убогому, приходить на княжий двор и брать все что надобно: питье, кушанье и деньги из казны. Князь говорил также: «Ведь больные и слабые не могут дойти до моего двора» – и потому велел сделать телеги, накладывать на них хлеб, мясо, рыбу, овощи разные, мед, квас

и развозить по городу, спрашивая: «Где больные и нищие, кто ходить не может?» – тем раздавали все это. Каждое воскресенье завел он на дворе своем пиры, куда приходили бояре, дворяне, соцкие, десяцкие, лучшие люди, при князе и без князя; на тех пирах бывало множество мяса: говядины и дичины, было много всего. Вот, бывало, как подопьют, то и начнут роптать на князя, говоря: «Что это наше здесь за житье горькое! дает нам есть деревянными ложками, а не серебряными!» Владимир, услышав ропот, велел подавать серебряные ложки и сказал: «С серебром и золотом не найдешь дружины, а с дружиною найду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Владимир любил свою дружину и думал с нею обо всяких делах: об устройстве земском, о войнах, об уставах земских. С окольными князьями жил он мирно, и с польским князем, и с венгерским, и с богемским: были между ними мир и любовь.

В 997 году Владимир пошел к Новгороду за войском на печенегов, потому что войны были беспрестанные. В это время печенеги, узнав, что князя нет, пришли и стали около Белгорода, не давая никому выхода, от чего сделался вдруг большой голод. В такой беде граждане собрали вече и сказали: «Пришлось помереть с голода, а от князя нет помощи; сдадимся печенегам: кого убьют, а кого в живых оставят; нам все равно помирать же голодною смертию». Так и решили. На этом вече не было одного старика, и когда он после спросил: «Зачем это собирали вече?» – то ему отвечали, что завтра хотят сдаться печенегам. Старик послал за городскими старшинами и сказал им: «Что это я слышал, будто вы хотите сдаться печенегам?» Те отвечали: «Да что ж будешь делать? люди не хотят терпеть голода». Тогда старик сказал им: «Послушайте же меня, не сдавайтесь еще денька три и сделайте так, как я вам скажу». Когда те обещали слушаться его, старик продолжал: «Сберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей». Старшины исполнили его волю. Тогда он велел женщинам сделать раствор, на чем кисель варят; велел также выкопать колодезь, вставить в него кадку и налить ее раствором; велел выкопать и другой колодезь и в него вставить кадку. Потом велел сыскать гденибудь меду; ему принесли его целое лукошко: спрятано оно было в княжеском погребке; старик приказал сделать из него сыту пресладкую и вылить в кадку, которая стояла в другом колодезе. На другой день он велел послать за печенегами; граждане пошли и сказали им: «Возьмите у нас заложников, а сами подите, человек с десять, в город и посмотрите, что у нас делается». Печенеги обрадовались, думая, что хотят им сдаться: взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей и послали в город проведать, что там такое делается. Когда печенеги пришли в город, то жители сказали им: «Зачем вы себя губите? хоть десять лет стойте под нашим городом, ничего не сделаете: у нас сама земля дает корм; если же не верите, посмотрите своими глазами». Сказав это, привели их к колодезю, где был раствор, почерпнули из него ведром и налили в котлы; когда сварили кисель, то взяли печенегов, и привели к другому колодезю, почерпнули сыты, и начали есть, сперва сами, а потом дали и печенегам. Те удивились и сказали: «Ни за что не поверят наши князья, если сами не отведают». Тогда граждане налили горшок раствора и сыты из колодезца и дали печенегам; те пошли к своим и рассказали им все, что с ними случилось. Князья печенежские сварили себе кисель, поели, подивились, потом собрались и пошли прочь от города.

В 1014 году сын Владимира, Ярослав, который княжил в Новгороде и давал каждый год в Киев по две тысячи гривен, а тысячу раздавал в самом Новгороде дружине, что делали и все прежние посадники новгородские, в этот год вдруг не захотел давать дани отцу своему. Владимир сказал: «Поправляйте дороги и мостите мосты», – потому что хотел идти на Ярослава войною, да вдруг разболелся. Между тем слышали, что печенеги идут на Русь; Владимир выслал против них сына своего Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер.

Глава V

О том, что случилось по смерти Владимира, и о княжении Ярослава

По смерти Владимира в Киеве сел старший сын его Святополк. Он созвал киевлян и начал давать им подарки; киевляне брали, но сердце их не лежало к Святополку, потому что братья их были с Борисом. Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, как вдруг пришла к нему весть: «Отец у тебя умер». Борис горько плакал, потому что он был у Владимира сын любимый. Отцовская дружина сказала ему: «Вот у тебя отцовская дружина и войско; пойдя, сядь в Киеве на отцовском столе». Борис отвечал: «Не подниму руки на брата старшего; если и отец у меня умер, то пусть Святополк будет мне вместо отца». Услышав такой ответ, воины разошлись от Бориса, который остался на реке Альте с одними своими отроками. Между тем Святополк задумал незаконное дело и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к той волости, которую получил ты от отца»; но все это была лесть: он хотел погубить его. Ночью пришел Святополк в Вышгород, тайно призвал Путшу, городских старшин и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Путша и другие вышгородцы отвечали: «Головы свои за тебя сложим». Тогда он сказал им: «Не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса»; те обещали немедленно исполнить его волю. Ночью пришли они к реке Альте, и когда подступили поближе, то услышали, что Борис поет заутреню: к нему уже пришла весть, что собираются погубить его. Помолвившись, он лег на постель, – и вот убийцы, как дикие звери, напали на шатер, просунули в него копьа и прокололи Бориса; вместе с ним прокололи и слугу его, который пал на него, желая телом своим защитить господина. Это был любимец Бориса, звали его Георгием, родом он был из Венгрии; Борис его очень любил и надел на него большую золотую цепь, в которой он всегда находился при князе; тут же было побито и много других отроков Борисовых. Сам Борис еще дышал, когда убийцы завернули его в шатерное полотно, положили на колесницу и повезли. Святополк, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его; когда посланные пришли и увидели, что князь еще жив, то один из них вынул меч и пронзил его в сердце. Так скончался блаженный Борис; тело его принесли тайно в Вышгород и положили в церкви св. Василия. Тогда окаянный Святополк начал думать: «Вот я убил Бориса: как бы убить Глеба?» Для этого он послал с лестиею к Глебу, веля сказать ему: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет, он очень болен». Глеб немедленно сел на коня и пошел с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. В это же время пришла весть в Новгород к Ярославу, от сестры его Предславы, об отцовской смерти, и Ярослав послал сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, и брат твой убит Святополком». Услышав это, Глеб горько заплакал об отце, но еще больше плакал он о брате. Когда Глеб молился со слезами, внезапно пришли убийцы, посланные Святополком; отроки Глебовы обмерли от страха; окаянный Горясер, один из посланных Святополком, велел тотчас же зарезать князя; повар Глебов, именем Торчин, вынув нож, зарезал своего господина; злодеи возвратились назад и сказали Святополку: «Мы исполнили твою волю».

Этот Святополк окаянный убил и третьего брата, Святослава, послав догнать его, когда тот бежал в Венгрию. После третьего убийства Святополк начал думать: «Перебью всех своих братьев и стану владеть один Русскою землею». Когда еще Ярослав новгородский не знал об отцовой смерти, то, собираясь воевать с Владимиром, призвал множество варягов; эти варяги делали новгородцам большое насилие; новгородцы встали и перебили их. Ярослав рассердился и, зазвав к себе хитростию лучших новгородцев, перебил их всех. Но в ту же самую ночь получил он весть из Киева от сестры Предславы, которая писала: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал; берегись его». На другой день, собрав остаток новгородцев, Ярослав сказал им со слезами: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве да

братьев убивает». Новгородцы отвечали: «Хотя братья наши и перебиты, но все можем стать за тебя». Тогда Ярослав собрал войско и пошел на Святополка, призвав бога в свидетели своей правды; он говорил: «Не я начал избивать братьев, но он; пусть будет бог мстителем за кровь братьев моих, потому что Святополк без вины пролил кровь праведного Бориса и Глеба: что ж, он, пожалуй, и со мной то же сделает?» Святополк, узнав, что Ярослав идет на него, пристроил множество войска, руси и печенегов, и вышел к Любечу.

Оба брата стали, один по сю, другой по ту сторону Днепра, но ни тот, ни другой не смели начать битвы, и так стояли три месяца друг против друга. Тогда Святополков воевода, ездя возле берега, начал укорять новгородцев; он кричал им: «Что вы пришли с вашим хромым князем? ах, вы, плотники! вот мы заставим вас строить нам хоромы!» Услыхав такую брань, новгородцы сказали Ярославу: «Завтра переведемся на ту сторону; если же кто не пойдет с нами, того сами убьем». В это время уже настали морозы; Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною; а Ярослав, рано утром оставив свою дружину, на рассвете перевезся на другую сторону реки. Когда новгородцы вышли на берег, то оттолкнули лодки и ударили на врагов. Сеча была злая; печенегам нельзя было озером помочь Святополку, и новгородцы притиснули неприятелей к озеру; те сошли на лед, лед под ними подломился, и Ярослав начал одолевать. Тогда Святополк побежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском.

В 1018 году пришел Болеслав, король Польский, с Святополком на Ярослава. Ярослав собрал русь, варягов, славян и пошел навстречу к Болеславу; враги стали по берегам реки Буга. У Ярослава был воспитатель и воевода именем Будый; он начал смеяться над Болеславом, говоря: «Вот мы проткнем тебе палкою брюхо твое толстое!» Болеслав был велик и тяжел, так что насилу мог сидеть на коне, но был смышлен; услышав насмешки, он сказал дружине своей: «Если вы можете терпеть такой укор, то я один пойду на врагов и погибну». Сказав это, он сел на коня и въехал в реку, за ним бросилось и войско его. Ярослав не успел приготовиться, был побежден и убежал только с четырьмя мужами в Новгород, а Болеслав пошел в Киев со Святополком. Когда Ярослав прибежал в Новгород и хотел уже оттуда бежать за море, то посадник Константин с новгородцами рассек лодки его, сказав: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком». Они начали собирать деньги, призвали варягов, роздали им жалованье, и Ярослав собрал много войска. Болеслав в это время сидел в Киеве, и дружина его была разведена по городам; окаянный Святополк сказал своим: «Сколько ни есть поляков по городам бейте их»; и поляков перебили. Тогда Болеслав побежал из Киева, взяв имение и бояр Ярославовых, и всяких людей множество повел с собою в плен, занял и города Червенские. Святополк же начал княжить в Киеве и, услышав, что Ярослав идет на него, убежал к печенегам.

В 1019 году пришел Святополк с печенегами в силе тяжкой; Ярослав, также собрав множество войска, вышел против него на реку Альту, и покрылось Альтское поле толпами воинов. Была тогда пятница, только что показалось солнце, враги сошлись; сеча была злая, какой еще не бывало на Руси; секлись, схватывая друг друга за руки, и схватывались трижды; кровь текла ручьями по удолям; к вечеру одолел Ярослав, и Святополк бежал.

В 1022 году брат Ярослава Мстислав, который княжил в Тмутаракани, пошел на косогов. Косожский князь Редедя вышел против него с войском, и когда оба, исполчившись, стали друг против друга, то Редедя сказал Мстиславу: «Для чего нам губить дружину? Сойдемся лучше сами бороться, и если ты одолеешь, то возьмешь все мое имение, и жену, и детей моих, и землю мою; если же я одолею, то возьму все твое». Мстислав согласился. Тогда Редедя сказал: «Будем бороться без оружия», – и начали бороться крепко и уже долго боролись; когда Мстислав стал изнемогать, потому что Редедя был велик и силен, то сказал: «Пречистая Богородица, помоги мне; если одолею врага, то построю церковь в твое имя». Сказав это, он ударил Редедию об землю, вынул нож и зарезал его; потом пошел в его землю, взял все имение, жену, детей и

наложил дань на косогов; когда же пришел в Тмутаракань, то заложил церковь св. Богородицы и построил ее.

В 1024 году, когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмутаракани к Киеву, и не приняли его киевляне; тогда он пошел и сел в Чернигове, а Ярослав все был в Новгороде. Услыхав о приходе Мстислава, он послал за море звать варягов, и вот пришел к нему слепой Якун с варягами. Тогда Ярослав пошел с ним на Мстислава, и оба брата сошлись при Листвене. Мстислав с вечера исполнил дружину и поставил северян в середине против варягов, а сам стал с дружиною своею по бокам. Ночь была претемная, с молниею, громом и дождем; тогда Мстислав сказал дружине: «Пойдем на них!» Враги сошлись; северяне схватились с варягами; и когда варяги утомились, поражая северян, тогда наступил на них Мстислав с дружиною и начал бить варягов. Сильная была сеча! Как осветит молния, так и заблестит оружие; и гроза была большая, и сеча была сильная и страшная. Когда Ярослав увидел, что побежден братом, то побежал вместе с Якуном: Ярослав пошел в Новгород, а Якун за море. Мстислав же на другой день, на рассвете, видя трупы своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто этому не порадуется? вот лежит северянин, а вот варяг; а дружина моя цела». После победы Мстислав послал сказать Ярославу: «Сядь в своем Киеве: ты старший брат, а мне будет эта сторона». На другой год Ярослав заключил мир с братом, и разделили Русскую землю по Днепр: Ярослав взял правую сторону, а Мстислав левую, и начали жить мирно, в братолюбьи, усобицы и мятежи перестали, и была большая тишина в земле. В 1036 году Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер; положили его в церкви св. Спаса, в Чернигове, которую сам построил. Мстислав был полон, красноват лицом, с большими глазами; был храбр на войне, милостив, очень любил дружину, не щадил для нее ни имения, ни еды, ни питья. Владение его досталось Ярославу, и стал Ярослав самовластцем в Русской земле.

В 1043 году послал Ярослав сына своего Владимира на греков и дал ему много войска, а воеводство поручил Вышате. Вот и пошел Владимир в лодках; пришли в Дунай, а отсюда отправились к Царюграду. Вдруг поднялась большая буря и русские корабли разбило, князя Владимира взял к себе в корабль Иван Творимирич, воевода Ярославов; прочие же воины, числом 6000, выброшены были на берег и хотели идти в Русь, но никто из дружины княжеской не хотел идти с ними. Тогда Вышата сказал: «Я пойду с ними; останусь жив, хорошо, а погибну, все лучше, с дружиною». Когда к грекам пришла весть, что русские корабли разбиты бурей, то царь, именем Мономах, послал свои корабли вслед за неприятелем. Владимир, видя с дружиною, что за ними погоня, обратился назад, разбил греческие корабли и пришел в Русь; но Вышату с остальным войском греки взяли в плен и привели к Царьграду, где много русских ослепили; только уже через три года, когда заключен был мир, пустили Вышату в Русь к Ярославу.

В 1054 году умер великий князь русский Ярослав. Еще при жизни он урядил сыновей своих, сказав им: «Вот я отхожу из этого света, дети мои; любите друг друга, потому что вы дети одного отца и матери. Если будете жить в любви друг с другом, то бог будет среди вас, покорит вам всех врагов, и будете жить мирно; если же станете ненавидеть друг друга, жить в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, которую они достали себе трудом великим. Но живите мирно, слушаясь брат брата. Вместо себя поручаю Киев старшему сыну своему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как меня слушались: он будет вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, Всеволоду Переяславль и Вячеславу Смоленск». Так поделил он между ими города, заказав им не вступаться в братние области и не выгонять друг друга, а Изяславу сказал: «Если кто вздумает обижать брата своего, то ты помогай обиженному». Ярослав умер в Вышегороде; при нем был тогда третий сын его, Всеволод, которого он любил больше всех и держал всегда при себе. Всеволод положил тело отца своего в сани и повез в Киев; по дороге священники пели обычные песни, а народ провожал

с плачем; привезши в Киев, положили его в мраморном гробе, в церкви св. Софии, и плакали по нем Всеволод и все люди.

Глава VI

О княжении Изяслава Ярославича

Когда Изяслав, по смерти отца, начал княжить в Киеве, то племянник его Ростислав, сын Владимира Ярославича, побежал в Тмутаракань и выгнал оттуда Глеба, сына Святослава Черниговского. Святослав пошел к Тмутаракани на Ростислава, и тот вышел вон из города, не потому, что испугался его, но потому, что не хотел поднять оружия против родного дяди. Святослав, пришед в Тмутаракань, посадил там опять сына своего Глеба и пошел назад домой в Чернигов; но как скоро он удалился, то Ростислав пришел опять, выгнал Глеба и сел в Тмутаракани. Утвердившись здесь, он стал брать дань у косогов и в других странах. Греки испугались и подослали корсунского правителя известить князя коварством. Правитель пришел к Ростиславу; тот совершенно вверился ему и начал оказывать большую честь. Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною, грек сказал ему: «Князь! хочу пить за твоё здоровье»; Ростислав отвечал: «Пей». Грек выпил половину чаши, а другую половину подал выпить князю; но прежде незаметно обмакнул в чашу палец, а под ногтем у него был яд, который должен был подействовать в седьмой день. Когда князь выпил свою долю, то отравитель скрылся и, приехав в Корсунь, объявил, что в тот день умрет Ростислав, как и случилось. Ростислав был муж доблестный, воинственный, телом строен, красив лицом и милостив к убогим.

В 1066 году начал войну Всеслав, князь полоцкий, и занял Новгород; трое Ярославичей: Изяслав, Святослав и Всеволод, собравши войско, пошли на Всеслава, когда на дворе стояли страшные морозы. Ярославичи пришли к Минску; жители его затворились в городе; но князья взяли Минск, перебили мужчин, жен и детей повели в полон и пошли к реке Немизе. Всеслав вышел к ним навстречу. Враги сошлись на Немизе; глубокие снега лежали на полях; несмотря на то, однако, войска пошли друг против друга, и была злая сеча; много людей пало с обеих сторон, но Ярославичи одолели, и Всеслав бежал. Потом Изяслав, Святослав и Всеволод поцеловали Всеславу крест и сказали ему: «Приди к нам, мы не сделаем тебе никакого зла». Всеслав понадеялся на крестное целование и переехал в лодке через Днепр. Но Изяслав нарушил клятву: схватив Всеслава в своем шатре, привез в Киев и посадил в темницу, вместе с двумя сыновьями. В следующий год пришли иноплеменики на Русскую землю, половцы, большими толпами. Изяслав, Святослав и Всеволод вышли к ним навстречу на реку Альту, ночью произошла битва; половцы победили, и русские князья обратились в бегство: Изяслав с Всеволодом побежали в Киев, а Святослав в Чернигов. Когда киевляне прибежали в свой город, то созвали вече на торговой площади и послали сказать князю: «Вот половцы рассеялись по земле; дай нам, князь, оружие и коней; хотим биться с ними». Князь не послушал их. Тогда люди начали кричать на воеводу Коснячка; пошли с вече на гору, пришли на двор к Коснячку и, не нашедши его дома, остановились у двора Брячиславова и сказали: «Пойдем, высадим дружину свою из тюрьмы». Толпа разделилась надвое: одни пошли к тюрьме, а другие по мосту, на княжеский двор. Изяслав сидел тогда на сенях с дружиною и начал спорить с народом: народ стоял внизу, а князь смотрел из окошка с дружиною. Тогда один из бояр сказал Изяславу: «Видишь, князь, народ так и взвыл, пошли постеречь Всеслава, а то долго ль до беды». Не успел он еще договорить, как другая половина народа пришла от тюрьмы, отворивши ее; тогда дружина начала говорить князю: «Беда теперь! пошли когонибудь к Всеславу, чтоб хитростью приманил его к окну и пронзил мечом». Князь не послушался. Тогда в толпе народа раздался крик, и все двинулись к темнице Всеслава. Изяслав, увидав это, побежал вместе с братом Всеволодом, а народ выпустил Всеслава из темницы и поставил его среди княжеского двора; имение Изяслава было разграблено, он убежал в Польшу. Между тем половцы воевали по Русской земле; когда они стали опустошать окрестности Чернигова, то Святослав собрал несколько дружины и вышел

против них. Увидав множество половцев, выстроившихся на битву, Святослав сказал дружине: «Станем крепко, ведь нам теперь некуда деться», – и русские поскакали на врагов; Святослав одолел с своими тремя тысячами, тогда как половцев было двенадцать тысяч; одни из них были побиты, другие потонули в реке, а князя их поймали руками живого. Таким образом Святослав возвратился с победою в свой город.

В 1068 году пошел Изяслав с Болеславом, королем Польским, на Всеслава; тот вышел против них; но когда прибыл в Белгород, то ночью тайком от киевлян бежал в Полоцк. Киевляне, увидав на другой день, что князь убежал, возвратились в Киев, собрали вече и послали сказать Святославу и Всеволоду: «Мы сделали дурно, что прогнали своего князя; но вот он ведет теперь на нас поляков; ступайте в город отца вашего; если же не хотите, то нам нечего больше делать: зажжем свой город, да и уйдем в греческую землю». Святослав отвечал им: «Мы пошлем к брату; если он пойдет с поляками губить вас, то мы выступим против него ратью, не дадим изгубить отцовского города; если же он захочет мира, то придет с малою дружиною». Этими словами князья утешили киевлян. В самом деле, Святослав и Всеволод послали сказать Изяславу: «Всеслав убежал; не води поляков в Киев: там тебе не будут противиться; если же ты все еще сердисься и хочешь изгубить город, то знай, что мы пожалеем отцовского стола». Услыхав это, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взявши только маленький отряд войска; но наперед послал в Киев сына своего Мстислава. Мстислав, пришедши в город, умертвил тех, которые освободили Всеслава, числом 70 человек, других ослепил, иных погубил и без вины, не исследовав дела. Когда сам Изяслав приблизился к городу, то киевляне вышли к нему навстречу с поклоном и с честью приняли своего князя.

В 1073 году встала распря между братьями Ярославичами: Святослав соединился со Всеволодом на Изяслава; последний принужден был выйти из Киева, и младшие братья вошли туда, нарушив завещание отцовское. Святослав был всему виною: желая иметь больше власти, он стал говорить Всеволоду: «Изяслав сносится со Всеславом, мысля на нас зло; если не предупредим его, то прогонит он нас». Такими речами возбудил Святослав Всеволода на Изяслава. Последний отправился, как и прежде, в Польшу, взявши с собою большие сокровища. Он говорил: «С деньгами я найду себе войско»; но ошибся: поляки обобрали у него имения и показали путь от себя.

В 1076 году умер Святослав Ярославич и его место занял Всеволод; но в следующем же году явился Изяслав с поляками; Всеволод пошел к нему навстречу на Волынь: здесь братья заключили мир, и Изяслав сел опять в Киеве. Скоро, однако, племянники его, которым он не дал областей – Олег Святославич и Борис Вячеславич, – привели половцев на Русскую землю и пошли на Всеволода; тот вышел против них и был побежден. Олег и Борис пришли в Чернигов, думая, что одолели дядю, и начали делать много зла Русской земле, проливая кровь христианскую. Разбитый Всеволод пришел к брату Изяславу, в Киев; когда братья поздоровались и сели, то Всеволод рассказал все, что с ним случилось. Изяслав отвечал ему на это: «Не тужи, брат! ты знаешь, сколько и со мною самим случилось бед: прежде всего не выгнали ли меня и не разграбили ли мое имение? и потом в чем я провинился, а между тем былтаки изгнан вами! не скитался ли я по чужим землям, лишенный всего имущества? а видит бог, что зла я не сделал никакого; и теперь, брат, не будем тужить; если остались в Русской земле, то оба останемся; если же лишать нас ее, то обоих вместе: я сложу за тебя свою голову». Сказавши это, он утешил Всеволода и велел собирать войско, от мала до велика, после чего выступили в поход – Изяслав с сыном своим Ярополком и Всеволод с сыном Владимиром. Когда племянники услышали, что дяди идут на них, то Олег сказал Борису: «Нам нельзя идти к ним навстречу, нельзя стать против четырех князей, пошлем лучше к дядям просить мира». Борис отвечал: «Ты только смотри, а я один пойду на них всех». Как сказал, так и сделал: у села Нежатины Нива сошлись дядя с племянниками, и была сеча злая: сперва убили Бориса, сына Вячеславова, который

так много прежде хвалился, потом убит был и великий князь Изяслав; несмотря на то, однако, брат его Всеволод остался победителем, и Олег едва успел убежать в Тмутаракань.

Когда тело Изяслава привезено было в лодке, то вышел к нему навстречу весь Киев; священники и монахи с песнями понесли его в город, но песен было не слышать от плача и от воплей, потому что плакал по нем весь Киев; сын его Ярополк шел позади его тела, плакал с дружиною и приговаривал: «Батюшка, батюшка! много ли пожил ты без печали на свете? много напастей принял ты от людей своих и от братьев своих; но вот теперь погиб ты не от брата, а за брата положил голову свою». Изяслав был взрачен и высок ростом; нравом незлобив, коварство ненавидел, любил правду, лести в нем не было, ум имел простой и не платил злом за зло. Как с ним поступили киевляне! самого выгнали, дом разграбили, однако он не отплатил им злом за зло. Если кто скажет: а как же он перебил тех, которые освободили Всеслава из темницы? – Но ведь то не сам он сделал, а сын его. Потом прогнали его родные братья, и он скитался по чужой земле; когда же снова сел на столе своем и побежденный Всеволод пришел к нему, то Изяслав не сказал брату: «А я сколько от вас натерпелся?» – не отплатил злом за зло, но утешил, говоря: «Как ты, брат, показал ко мне любовь, ввел меня на стол мой и назвал старшим, так и я теперь не помяну первого зла; мы братья родные, и я положу голову свою за тебя», что и случилось на самом деле; не сказал он ему: «Сколько зла наделали вы мне, и вот теперь с тобою то же случилось»; не сказал: «Ступай от меня, ищи помощи, где хочешь»; но взял на себя печаль братнюю и великую показал любовь, поступив по «Апостолу», который велит утешать печальных.

Глава VII

О княжении Всеволода Ярославича и Святополка Изяславича

По смерти Изяслава Всеволод сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, взяв один все владения русские. В 1093 году он умер. Этот князь из детства был боголюбив, любил правду, раздавал большую милостыню нищим, чтит духовенство, особенно же любил монахов, был очень воздержен, за что отец любил его больше всех других сыновей и обыкновенно говаривал ему: «Радуюсь, слыша о твоей кротости и видя, как ты покоишь мою старость; если, бог даст, сядешь на моем столе, после братьев своих, как следует по порядку, а не насилием, и когда бог пошлет тебе кончину, то ляжешь там же, где и я, у моего гроба, потому что люблю тебя больше всех других твоих братьев». Когда Всеволод начал княжить в Киеве, то забот стало у него больше, чем когда он княжил в Переяславле, потому что племянники беспрестанно докучали ему, все просили областей, тот ту, другой другую; великий князь только и знал, что мирил их да раздавал волости; а тут начались болезни разные, к ним приспела и старость; Всеволод начал любить молодую дружину и с нею обо всем советоваться, а молодые стали отводить его от старой дружины и наговаривать ему на нее; в судах пошли притеснения; наместники стали грабить людей, брать с них взятки, а великий князь ничего об этом не знал в своих болезнях.

По смерти Всеволода сын его Владимир Мономах стал думать: «Если сяду на престоле отца своего, то будет у меня непременно война с Святополком потому, что Киев прежде принадлежал отцу его». Размыслив таким образом, он послал за Святополком в Туров; а сам пошел в Чернигов. После Светлого Воскресенья пришел Святополк в Киев; киевляне вышли к нему навстречу с поклоном и приняли его с радостью. В это время пошли половцы на Русскую землю и, услышав, что Всеволод умер, отправили послов к Святополку просить мира. Святополк не посоветовался с старшею дружиною отцовскою и дядиною, а только с дружиною, которая пришла с ним из Турова, и, по совету последней, схватив половецких послов, посадил их под стражу: это раздражило половцев, и они рассеялись всюду для войны и грабежа. Тогда Святополк испугался и выпустил послов, желая мира, но уже теперь половцы не хотели мириться и продолжали опустошать Русь. Святополк начал собирать войско, думая идти на врагов; тогда умные бояре сказали ему: «Куда тебе против них! посмотри, как у тебя мало войска»; Святополк отвечал: «У меня 800 отроков, довольно будет: могут стать против половцев»; и несмысленные советники также подстрекали его: «Ступай, князь, нечего бояться». Но благоразумные бояре твердили свое. «Если бы ты собрал 8000, – говорили они, – и то было бы мало: наша земля оскудела от войны и от налогов; пошли лучше к брату своему Владимиру за помощью». На этот раз Святополк послушался их, послал к Владимиру за помощью, и тот немедленно собрал войско. Когда он пришел в Киев и соединился с Святополком, то между князьями начались распри; тогда умные бояре стали говорить им: «Что вы тут ссоритесь, а враги между тем губят Русскую землю; после уладитесь, а теперь ступайте против половцев, либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк войны; когда русские полки пришли к реке Стугне, то и тут Владимир говорил, что надобно мириться; с ним согласны были все умные и опытные мужи, но киевляне не захотели мира и перешли Стугну в самое половодье. Вот и половцы показались с стрельцами наперед, они напали прежде всего на Святополка и стеснили отряд его; сам Святополк стоял крепко, но люди его побежали и увлекли князя. Потом враги наступили и на Владимира; брань была лютая; побежал и Владимир с братом Ростиславом. Когда оба брата стали переправляться через реку Стугну, то Ростислав начал утопать перед глазами Владимира, тот ринулся подхватить брата и едва сам не утонул, а Ростислава не спас. С малою дружиною переправился Владимир через реку, потому что много простых людей и бояр потерял он в битве; переправившись на ту сторону Днепра, горько плакал

он по брате своем и по дружине своей и печален возвратился в Чернигов; а половцы, видя, что одолели, пустились воевать по всей земле. Много христиан пострадали в то время; печальные, истерзанные, в страшный холод, в оковах, томимые голодом и жаждою, с бледными лицами, шли русские пленники неизвестною странюю, наги и босы, ноги их были исколоты тернием; со слезами и вздохами несчастные спрашивали друг друга о родной стране; один говорил: я из такого города, а другой: я из такойто веси.

В 1094 году Святополк заключил мир с половцами и взял за себя дочь их князя Тугоркана. В тот же год пришел к Чернигову Олег Святославич с половцами из Тмутаракани; Владимир затворился в городе; неприятели выжгли окрестности и монастыри; и наконец Владимир заключил мир с Олегом и пошел в отцовский город Переяславль, а Олег стал княжить в Чернигове. В 1096 году Святополк и Владимир послали сказать Олегу: «Приезжай в Киев; там мы урядимся о Русской земле перед епископами, игуменами, перед боярами отцов наших и перед людьми городскими: пора нам приняться всем сообща оборонять Русскую землю от поганых». Но Олег загордился и отвечал: «Неприлично мне стать на суд пред епископами и чернию», – и не захотел идти к братьям своим, послушавшись злых советников. Тогда Святополк и Владимир послали сказать ему: «Вот ты не идешь на врагов и не едешь к нам на совет: ты мыслишь на нас зло и хочешь помогать половцам: бог рассудит между нами». Оба князя пошли к Чернигову, откуда Олег бежал в Стародуб: осажденный и здесь двоюродными братьями и доведенный до изнеможения, Святославич запросил мира, Святополк и Владимир отвечали ему: «Ступай к брату своему Давиду, и приходите оба в Киев, стольный город отцов наших и дедов наших; это старейший город во всей земле; здесь должно нам сойтись и урядиться обо всем».

В 1097 году съехались в Любеч Святополк, Владимир, Давид Игоревич, Василько Ростиславич, Давид Святославич и брат его Олег; князья говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами поднимая вражду друг на друга? а половцы несут нашу землю розно и рады, что между нами идут войны; отныне будем сообща, одним сердцем, охранять Русскую землю, и пусть каждый из нас держит свою отчину». Князья целовали крест на том, что если ктонибудь из них вооружится на другого, то все должны восстать на зачинщика. Из Любеча Святополк с Давидом возвратились в Киев; тогда некоторые мужи из дружины Давида стали говорить своему князю: «Владимир соединился с Васильком на тебя и на Святополка». Давид поверил лживым словам, пошел к Святополку и начал наговаривать ему на Василька. «Вспомни, – говорил он великому князю, – кто убил брата твоего Ярополка, разве не Ростиславичи, Василько с братьями? а теперь Василько мыслит на тебя и на меня, соединившись с Владимиром; промышляй о своей голове!» Святополк сильно смутился от этих речей. «Как узнать, – думал он, – правда это или ложь?» Вспомнил он о брате Ярополке, и жаль стало ему брата: потом стал думать и о себе: «Ну как в самом деле это правда, что говорит Давид?» Кончилось тем, что он поверил наговору. Тогда Давид начал опять говорить ему: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». Святополк согласился, что надобно схватить Василька.

В это самое время приехал Василько в Киев; помолвившись и поужинавши в Выдубицком монастыре, он хотел было уже на другой день отправиться в свою область, как Святополк прислал сказать ему: «Не ходи от моих именин». Василько отказался, говоря: «Нельзя мне медлить, неравно дома начнется война». И Давид от себя прислал упрашивать его остаться: «Не ходи, брат, не ослушайся брата старшего», – но Василько и тут не послушался. Тогда Давид сказал Святополку: «Видишь, теперь он в твоём городе и знать тебя не хочет; что же будет, как уедет в свою область? увидишь, как займет все твои города; тогда помянешь меня – призови киевлян, вели схватить его и отдай мне». Святополк послушался и послал сказать Васильку: «Если не хочешь остаться до именин моих, то зайди хоть нынче повидаться со мною, и посидим все вместе с Давидом». Василько обещался прийти, не подозревая дурного умысла; он уже сел на коня и поехал, как вдруг на дороге встретился ему один из молодых его дружин-

ников и сказал: «Не езд, князь, хотят тебя схватить». Василько не послушался его, подумав: «Как им меня схватить! разве они не целовали креста, что если кто вооружится на брата, то все будут на зачинщика». Помыслив таким образом, Василько перекрестился и сказал: «Воля господня да будет!» Когда он приехал с малою дружиною на княжеский двор, то Святополк вышел к нему навстречу, и вместе вошли в комнату, куда пришел скоро и Давид. Святополк начал опять уговаривать Василька остаться на праздник; тот отвечал попрежнему: «Не могу остаться: я уже велел обозу моему идти вперед». Между тем Давид сидел, как немой. Святополк снова обратился к Васильку и просил его по крайней мере позавтракать у него. Василько согласился. Тогда Святополк сказал: «Посидите вы здесь вдвоем, а я пойду распоряжусь завтраком» – и вышел вон, а Давид с Васильком сели. Василько начал было разговор, но у Давида точно не было ни ушей, ни языка: так он перепугался своего замысла. Посидевши немного, Давид спросил: «Где брат?» Ему отвечали: «Там стоит в сених». Тогда он сказал Васильку: «Я пойду за ним, а ты, братец, посиди» – и вышел. Как скоро Давид вышел, Василька заперли, заковали в двойные оковы и приставили стражу на ночь.

На другое утро Святополк созвал бояр и киевлян и объявил им, что сказал ему Давид, будто Василько убил его брата и сговаривался на него с Владимиром, хотел убить его и овладеть его городами. Бояре и граждане отвечали: «Тебе, князь, должно беречь свою голову; если Давид сказал правду, то пусть Василько примет казнь; если же Давид оклеветал его, то пусть клеветник примет месть от бога; и отвечает пред ним». Но игумены, узнав, что случилось на княжеском дворе, стали просить Святополка за Василька; великий князь отвечал им: «Это все Давид наделал». А Давид, узнав о расположении духовенства и граждан, начал подумывать Святополка на ослепление. «Если ты этого не сделаешь, – говорил он, – а отпустишь Василька, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить пленника, но Давид никак не хотел этого, потому что сильно боялся Василька. В ту же ночь последнего повезли в Белгород и там ослепили.

Владимир Мономах, услышав, что Василько схвачен и ослеплен, ужаснулся горько; заплакал и сказал: «Никогда еще такого зла не бывало в Русской земле, ни при дедах, ни при отцах наших». Он тотчас велел повестить Давиду и Олегу Святославичам: «Ступайте к Городцу, чтоб поскорее поправить зло, которое случилось в Русской земле: нож ввергнут среди братий; если мы не исправим этого зла, то еще больше встанет среди нас: начнет брат убивать брата, и погибнет Русская земля; враги наши, половцы, придут и возьмут родную страну нашу». Давид и Олег также сильно опечалились и горько плакали о несчастье Василька. «Не было еще такого злодейства в роде нашем», – говорили они, собрали войско и пришли ко Владимиру. Трое князей, Владимир, Давид и Олег, послали сказать Святополку: «Для чего сделал ты такое зло в Русской земле и ввергнул нож среди нас? за что ослепил брата своего? если б он был виноват в чемнибудь, то ты б обличил его перед нами и, доказав вину, поступил бы с ним как следовало, а теперь объяви нам его преступление, за которое он потерпел такую ужасную казнь?» Святополк отвечал: «Мне сказал Давид Игоревич, что Василько убил брата моего Ярополка, да и меня хотел убить и занять волость мою, и что будто они уговорились с Владимиром: Владимиру сесть в Киеве, а Васильку на Волыни; мне ведь надобно беречь свою голову, да и не я же ослепил Василька, а Давид – он повел его к себе». Послы союзных князей сказали на это Святополку: «Ты этим не оправдывайся, что Давид ослепил его: не в Давидове городе был он схвачен и ослеплен, а в твоём». На другое утро союзники намеревались уже переправиться за Днепр на Святополка, и тот хотел уже бежать из Киева, но киевляне не пустили его и послали жену покойного великого князя Всеволода да митрополита Николая ко Владимиру с такими речами: «Князь, молим тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли; если начнете рать между собою, то половцы станут радоваться и возьмут землю нашу, которую отцы ваши и деды стяжали трудом великим и храбростию, поборая по Русской земле; они приискивали чужие земли, а вы хотите погубить и русскую». Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «В

самом деле отцы наши и деды сберегли Русскую землю, а мы хотим погубить ее», – союзные князья преклонились на просьбу княгини и митрополита и заключили мир с Святополком на том условии, чтобы последний шел с войском на Давида, и либо взял его в плен, либо выгнал из Русской земли.

Между тем Василько содержался в плену во Владимире Волынском; Давид, услышав, что князья поднялись на него за Василька, послал уговаривать слепца, чтоб тот примирил его с рассерженными родственниками, обещая дать ему за это любой город. Василько попросил посланного остаться у себя и, выслав вон слугу, начал говорить ему: «Слышу, что Давид хочет выдать меня полякам; видно, мало еще он напился моей крови, когда хочет выдать меня им, потому что я много наделал зла полякам и еще больше хотел сделать, мстя за Русскую землю. Если он выдаст меня ляхам, то не боюсь смерти; но вот что скажу тебе: поистине наказал меня бог за мою гордость; как пришла весть, что идут ко мне берендеи, печенег и торки, то я и начал думать: вот как будут у меня берендеи, печенег и торки, то скажу братьям своим Володарю и Давиду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте себе и веселитесь спокойно; я думал: наступлю зимою на землю польскую, а на лето повоюю ее всю и отомщу за Русскую землю; потом хотел я покорить болгар дунайских и поселить их у себя; затем хотел проситься у Святополка и Владимира идти на половцев, чтоб сыскать себе славу либо сложить голову за Русскую землю. Но клянусь богом и его пришествием, что у меня не было никакого умысла на Святополка и Давида, а низложил меня бог и смирил за мою гордость».

После долгой войны за Василька в 1100 году князья Святополк, Владимир, Давид и Олег снова съехались вместе; пришел к ним и Давид Игоревич и сказал: «Зачем меня призвали? вот я пришел; у кого на меня жалоба?» Владимир отвечал ему: «Ты сам присылал нам сказать: хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды, вот теперь ты пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре: что ж не жалуешься, кто из нас тебя обидел?» Давид не отвечал ни слова. Тогда все братья встали, сели на коней, разъехались, и каждый стал советовать о Давиде с своею дружиною; а Давид Игоревич сидел особо вдали, и никто не допускал его к себе. Посоветовавшись, князья послали мужей своих сказать Давиду: «Вот что говорят тебе братья: не хотим дать тебе стола Владимирского на Волыни; потому что ты ввергнул среди нас нож, чего прежде не бывало в Русской земле; мы не хотим тебя схватить, не хотим сделать тебе никакого зла; но вот Святополк дает тебе четыре города, а Владимир от себя 200 гривен, да Давид и Олег Святославичи также 200 гривен». Тем и покончили дело.

В 1111 году вложил бог Владимиру в сердце пойти на половцев. Он объявил о своем намерении Святополку, а тот сказал дружине; дружина отвечала: «Не время весною идти в поход: отнимешь только земледельцев от работ». Тогда Святополк послал сказать Владимиру: «Надобно нам съехаться вместе и подумать с дружиною». Владимир приехал, и сели в одном шатре: Святополк с своею дружиною, а Владимир с своею, и все молчали; наконец Владимир сказал: «Брат! ты старший, начни говорить, как бы нам промыслить о Русской земле». Святополк отвечал: «Лучше ты начни говорить, братец». Владимир сказал: «Что мне говорить: против меня будет и твоя и моя дружина; они скажут, что я хочу погубить земледельцев, оторвать их от работ; но удивляюсь я тому, что земледельцев жалеете и их лошадей, а того не подумаете, что на весну начнет земледелец пахать с лошадыю, и приедет половчин, ударит мужика стрелою, лошадь его, и жену, и детей возьмет и гумно запалит, об этом вы не думаете!» Вся дружина отвечала: «И в самом деле так!» Святополк сказал: «Я готов с тобою, братец!» Во вторую неделю поста двинулись князья в поход и на шестой неделе, во вторник пришли к Дону; здесь они исполнились и пошли к городу Шаруканю; жители вышли из города, поклонились русским князьям, вынесли им рыбу и вино. На другой день в среду пошли к городу Сугрову и зажгли его; в четверг пошли с Дона, а в пятницу 24 марта собрались половцы, изрядили полки свои и пошли на бой. Князья наши, положив надежду на бога, сказали: «Умрем здесь, но станем крепко!» – и простились друг с другом. Бой был крепкий, и бог помог русским кня-

зьям: иноплеменники были побеждены. В понедельник на страстной неделе опять собралось множество половцев, и выступили они, как боровы великие, и тьмами тем оступили русские полки. Но и тут господь бог послал ангела на помощь русским князьям, и попадали половцы перед полком Владимировым. Князья взяли большую добычу и возвратились домой с великою славою; молва о походе их прошла и в дальние стороны: к грекам, венграм, полякам и чехам и даже достигла Рима.

Глава VIII

О княжении Владимира Мономаха и сыновей его, Мстислава и Ярополка

В 1113 году умер великий князь Святополк; княгиня его раздала по монастырям, священникам и нищим большое богатство, на диво всем: еще никто не раздавал такой милостыни. На другой день киевляне собрались на вече и послали сказать Владимиру: «Ступай, князь, на стол отцовский и дедовский». Услыхав о смерти Святополка, Владимир горько заплакал и не пошел в Киев, жалея о смерти брата. Тогда киевляне разграбили двор тысяцкого Путяты; потом пошли на жидов, и их пограбили, и послали опять ко Владимиру сказать ему: «Ступай, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла будет: разграбят не один Путятин двор, соцких и жидов, достанется и вдове покойного князя, боярам и монастырям, и ты, князь, дашь ответ, если монастыри пограбят». Услыхав это, Владимир пошел в Киев; митрополит Никифор, епископы и все киевляне встретили его с великою честью; Мономах сел на стол отца своего и дедов своих; и все люди были рады, и мятеж утих. В 1126 году преставился благоверный, христолюбивый и великий князь всея Руси Владимир Мономах, братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю; он просветил ее, подобно солнцу, испускающему лучи свои; слава его пронеслась по всем странам, особенно был он страшен половцам. Тело его положили у св. Софии, подле отца, Всеволода; святители плакали по святом и добром князе, плакал весь народ, все люди, как дети по отце или по матери.

По смерти Мономаха Мстислав, старший сын его, сел на столе киевском. В его княжение Всеволод Ольгович Черниговский захватил врасплох дядю своего Ярослава в Чернигове, а дружину его ограбил и перебил; но когда услышал, что великий князь Мстислав с братом Ярополком собираются идти на него войною, то испугался, послал к половцам за помощью, а Ярослава отпустил в Муром. Половцы пришли, стали за рекою Вырем и отправили послов к Всеволоду; но посадники Ярополковы перехватили послов. Тогда половцы, не получая никаких вестей от Ольговичей, бежали к себе домой. Мстислав начал сильно наступать на Всеволода, попрекая ему: «Ты привел половцев, да что взял?» Всеволод, видя беду, стал упрашивать великого князя, чтобы помирился с ним; в то же время подучивал и бояр Мстиславовых, давал им большие дары и своими происками дотянул время до зимы. Тогда пришел и Ярослав из Мурома в Киев; он кланялся Мстиславу и упрашивал его. «Ведь ты дал мне слово, – говорил он ему, – пойти на Всеволода: поди же теперь». Но Всеволод также не переставал упрашивать Мстислава о мире. В это время был игуменом в монастыре у святого Андрея Григорий, которого прежде любил Владимир Мономах, да и Мстислав и все люди очень уважали его. Этот Григорий никак не давал великому князю встать ратью на Всеволода за Ярослава; он говорил ему: «Меньше тебе будет греха нарушить крестное целование и не встать ратью, чем пролить христианскую кровь». Созвали и собор из всех священников (митрополита в то время не было), и все сказали Мстиславу: «На нас будет твой грех, если преступишь клятву: не начинай войны!» Мстислав послушал, сделал по их, но после плакал об этом всю жизнь. Ярославу нечего было делать: он пошел назад в Муром, где скоро и умер.

В 1132 году умер и великий князь Мстислав, оставив княжение брату своему Ярополку, которому поручил и детей своих. В княжение Ярополка началась страшная война между потомками Владимира Мономаха и князьями черниговскими, потомками Святослава Ярославича. Черниговские начали просить у Ярополка: «Что наш отец держал при вашем отце, того же и мы хотим; если вы не отдадите нам этих городов, то не жалуйтесь после, а на себя пеняйте; сами будете виноваты, на вас будет кровь». Все дело пошло из того, что Юрий Владимирович Долгорукий, князь Ростовский, выгнал племянника своего, Всеволода Мстиславича, из Переяславля; потом брат Юрия, Вячеслав Владимирович, выгнал из того же Переяславля дру-

гого Мстиславича, Изяслава, и наконец выгнал его и из Турова. Озлобленные племянники вооружились против дядей и пристали к Ольговичам черниговским. Ольговичи обрадовались и встали против Мономаховичей. «Вы первые начали нас губить», – говорили они им. В 1135 году пришел Всеволод Ольгович со всею братьею к Переяславлю, и стояли под городом три дня, все бились у ворот; но услышав, что Ярополк идет на них, отошли к верховью реки Супоя и там пристроились к битве, дожидаясь полков великокняжеских. Ярополк скоро явился с дружиною своею и братьями; увидав черниговское войско, он не захотел дожидаться остальных полков своих, даже не позаботился хорошенько устроить войско и устремился на битву, думая: «Не устоять Ольговичам против нашей силы!» Полки сошлись, бились крепко, и Ольговичи победили: много киевских бояр попало к ним в руки. Тогда Ярополк должен был уступить и отдать черниговским князьям все, чего хотели.

Глава IX

О княжении Всеволода Ольговича

В 1139 году умер великий князь Ярополк. Место его в Киеве занял родной брат его, Вячеслав; но не прошло месяца, как Всеволод Ольгович Черниговский явился с братьями под Киевом и начал зажигать дворы в предместье. Вячеслав не вышел против него, боясь кровопролития, но уступил и выслал к черниговскому князю митрополита, велел так сказать ему: «Отступи на время к Вышгороду, а я нынче же пойду в свою волость, и Киев будет твой». Таким образом Ольговичу удалось достать себе Киев. Сначала он хотел мира с Мономаховичами и разослал к ним послов; но потом, видя, что они не хотят мира, но ссылаются друг с другом, мысля идти на него, поспешил предупредить врагов и вышел с войском к Переяславлю, где княжил теперь Мономахов сын, Андрей. Надеясь на свою силу, Всеволод послал сказать Андрею: «Ступай в Курск из Переяславля». Андрей, подумав с дружиною, велел отвечать ему: «Лучше мне умереть с дружиною в Переяславле, на своей отчине и дедине, чем взять Курское княжение: отец мой сидел не в Курске, а в Переяславле, и я хочу умереть на своей отчине; если же тебе мало всей Русской земли, а хочешь еще и мою волость взять, то прежде убей меня, а потом и возьми, в нашем роду это уже не новость: не в первый раз братьям убивать братьев, Святополк разве не убил Бориса и Глеба за волость? Но сам долго ли пожил? и здесь жизни лишен, да и на том свете будет мучиться вечно». Бог помог Андрею: дружина его разбила полки Святослава, Всеволодова брата; после чего Всеволод, заключив мир, оставил его спокойно княжить в Переяславле. В это время в Новгороде княжил брат Всеволодов, Святослав. Невзлюбили его новгородцы за его злость и качали вставать на вечах. Святослав, увидав, что народ поднимается, послал сказать брату Всеволоду: «Брат! мне мочи нет с этими людьми; не хочу жить с ними; кого хочешь пошли сюда». А между тем новгородцы начали уже убивать на вечах приятелей Святославовых за их насилия. Тысяцкий, который был кум князю, уберег его от беды, послав сказать ему: «Князь! хотят тебя схватить». Святослав испугался и убежал с женою и дружиною в Смоленск. Тогда новгородцы отправили епископа и лучших граждан к Всеволоду сказать ему: «Дай нам сына своего, а Святослава, брата твоего, не хотим». Всеволод исполнил их желание, послал к ним сына; но когда тот доехал еще только до Чернигова, новгородцы уже переменили мысли и прислали сказать Всеволоду: «Не хотим ни сына твоего, ни брата; не хотим вовсе вашего племени, хотим племени Владимирова: дай нам одного из шурьев своих, Мстиславичей». Всеволоду не хотелось уступить Новгорода Владимирову племени, и потому он, призвав Мстиславичей, дал им Брест и сказал: «Не думайте о Новгороде; пусть их там посидят одни, пусть сыщут себе князя, где хотят!». Но новгородцы не могли сидеть без князя и послали к Юрию Ростовскому за сыном. Тогда Всеволод увидал, что дело идет дурно – Новгород отходит к Владимирову племени, да к тому же и жена его просила за своих братьев: вот почему он согласился лучше видеть в Новгороде брата жены своей, Мстиславича, чем сына Юриева, и послал в Новгород Святополка Мстиславича, которого новгородцы и приняли с радостью, а Юрьевича отослали назад к отцу.

В 1145 году послал Всеволод за братьями своими, за Игорем и Святославом, да за двоюродными братьями, Давыдовичами Владимиром и Изяславом, послал также и за Изяславом Мстиславичем, князем Переяславским, внуком Мономаха. Когда все князья съехались, то Всеволод начал говорить им: «Владимир Мономах посадил после себя в Киеве сына своего Мстислава, а Мстислав брата своего Ярополка; так и я хочу сделать то же, отдаю Киев после своей смерти брату Игорю». Изяслав Мстиславич много тому противился, да делать нечего, принужден был целовать крест, что исполнит волю Всеволодову. Когда после того все братья великого князя уселись в сенях, то Всеволод начал говорить им: «Игорь! клянись, что будешь любить

братьев; а вы, Владимир, Святослав и Изяслав, клянитесь быть довольны тем, что будет вам давать Игорь». Братья поцеловали крест.

В следующем году, возвратясь из похода против поляков, Всеволод разболелся, созвал киевлян и начал говорить им: «Я сильно болен, а вот вам брат мой, Игорь, возьмите его себе в князья». Киевляне согласились, но притворно. На другой день Игорь поехал в Вышгород, и вышгородцы также присягнули ему. Всеволод послал к Изяславу Мстиславовичу и к Давыдовичам спросить у них: «Стоите ли в крестном целовании, как присягали брату Игорю?» И те отвечали: «Стоим». На другой день скончался Всеволод.

Глава X

О том, как Изяслав Мстиславич воевал с князьями Черниговскими

Тотчас по смерти Всеволода Игорь поехал в Киев и созвал всех киевлян на гору, на двор Ярослава, и тут киевляне в другой раз целовали ему крест; но тотчас же после того двинулись все толпами к Туровой божнице и послали сказать Игорю: «Князь! приезжай к нам!» Игорь, взяв брата Святослава, поехал, но остановился с дружиною недалеко от веча, а Святослава послал к гражданам узнать, чего хотят они. Киевляне начали обвинять тиуна Всеволодова, Ратшу, да другого еще тиуна вышгородского, Тудора, говоря: «Ратша погубил у нас Киев, а Тудор Вышгород; теперь, князь Святослав, целуй нам крест, и с братом своим, что если кому из нас будет обида, то вы сами будете судить». Святослав отвечал: «Целую крест за себя и за брата, что не будет вам насилья никакого и тиуна вам дадут по вашей воле, кого хотите». После этих слов Святослав сошел с коня и поцеловал крест. Киевляне тоже все сошли с коней и говорили: «Коли так, то брат твой – наш князь и ты»; после чего целовали все крест и с детьми, что не изменят Игорю и Святославу. Последний, взяв лучших граждан, поехал с ними к брату Игорю и сказал ему: «Брат, я присягал, что ты будешь держать киевлян, как следует, и любить их». Игорь, услышав это, сошел с коня и поцеловал крест на всей воле граждан; после чего поехал домой обедать; но киевляне устремились на Ратшин двор грабить. Игорь выслал к ним брата Святослава с дружиною, и тот едва успел утишить их. В то же время Игорь послал к Изяславу Мстиславичу сказать ему: «Бог взял нашего брата, а ты стоишь ли в крестном целовании?» Изяслав не дал никакого ответа и самого посла задержал: он надеялся, что киевляне недолго уживутся в мире с Игорем. В самом деле, скоро они прислали к Изяславу звать его в Киев на стол. «Пойди, князь, к нам; хотим тебя», – говорили они. Изяслав собрал полки, выступил из Переяславля и перешел Днепр у Заруба. Тут прислали к нему черные клобуки² и все поросье³ сказать ему: «Ты наш князь; Ольговичей не хотим; ступай поскорей, а мы все с тобою». Изяслав двинулся к Дерновому, и тут собрались к нему все черные клобуки и порошане; тут же прислали белгородцы и василевцы послов; все говорили одно и то же: «Ступай! ты наш князь; Ольговичей не хотим». Вслед за белгородцами и василевцами приехали и от киевлян послы; они то же говорили: «Ты наш князь, ступай, Ольговичей не хотим; как только завидим твое знамя, так все и бросимся к тебе». Изяслав, собрав на поле весь народ, и христиан и поганых, сказал им: «Братья! Всеволода признавал я старшим братом, потому что старший брат и старший зять нам вместо отца; но с этими, с Игорем и Святославом, хочу управиться, как мне бог даст и сила крестная: либо голову свою сложу перед вами, либо добуду стол отцовский и дедовский». Сказав это, Мстиславич пошел в поход. Между тем Игорь послал к двоюродным братьям, Владимиру и Изяславу, спрашивая: «Стоите ли вы, братья, в крестном целовании?» Те стали с ним торговаться и запросили множество волостей. Игорю делать было нечего, на все согласился. Тогда Давыдовичи тронулись к Киеву. Игорь призвал к себе и бояр – Глеба и Ивана Войтишича и Лазаря Саковского и сказал им: «Как были вы у брата моего, так будете и у меня»; а Глебу сказал: «Ты держи тысячу⁴, как у брата моего держал». Несмотря, однако, на то, что эти вельможи были в большой чести у Всеволода и у брата его, они вздумали, вместе с киевлянами, отложиться от последнего и послали сказать Изяславу Мстиславичу: «Ступай, князь, поскорей: идут Давыдовичи Игорю на помощь». И точно, Изяслав Давыдович приехал очень скоро, поцеловав прежде крест у св. Спаса, вместе с братом Владимиром, что им не отступать

² Пограничный степной народ, служивший в войсках русских князей, как теперь казаки.

³ Жители городов, построенных на реке Роси.

⁴ То есть будь тысяцким.

от Игоря и брата его Святослава, причем черниговский епископ Онуфрий сказал бывшим тут священникам: «Кто эту присягу нарушит, тот будет проклят двенадцатью господними праздниками». Но угроза епископа мало помогла: несколько дней спустя Давидовичи забыли свое крестное целование и отступили от Игоря. Заводчиками всему делу были названные прежде Глеб тысяцкий, Иван Войтишич, Лазарь Саковский да в Святославовом полку двое бояр: они собрали около себя киевлян и начали советоваться, как бы им переместить своего князя, а к Изяславу послали сказать: «Ступай, князь! мы уговорились с киевлянами; хотим бросить знамя Ольговичей и бежать с полками своими в Киев»; а между тем Игоря и Святослава обманывали, говоря им: «Ступайте против Изяслава». Ольговичи взглянули на небо и сказали: «Изяслав целовал крест не думать о Киеве».

В это время пришел Изяслав к валу, где Надово озеро, и стал там с полками и с сыном своим Мстиславом; а киевляне стояли особо у Ольговой могилы: множество их было там. Когда еще полки стояли друг против друга, то Игорь увидал, что киевляне послали к Изяславу, и взяли у него тысяцкого с знаменем, и привели к себе, а потом и берендеи переехали реку Лыбедь и захватили шатры Игоревы. Когда Игорь увидал все это, то сказал брату своему, Святославу, и племяннику, Святославу Всеволодовичу: «Ступайте в свои полки, а там как нас с ними бог рассудит», – и Глебу, тысяцкому своему, и Ивану Войтишичу велел также ехать в свои полки. Но Глеб и Иван, приехав в свои полки, кинули знамена и бросились бежать к Жидовским воротам. Ольговичи, увидев это, не оробели и пошли против Изяслава, но попали в дурное место, были захвачены в тыл берендеями и принуждены бежать. Тут Изяслав с сыном Мстиславом заехал им с боку и заставил Игоря разлучиться с Святославом. Последний бежал к устью Десны за Днепр, но Игорь заехал в болото, увязил коня и был схвачен; Святослав же Всеволодович прибежал в Киев, в монастырь св. Ирины, где его и поймали.

Изяслав, восхваля бога за такую помощь, с великою славою и честью въехал в Киев; навстречу к нему вышло множество народа; игумены с монахами и священники со всего города, в ризах. Князь поехал ко св. Софии, поклонился Богородице и сел на стол деда и отца своего; потом призвал Святослава Всеволодовича и сказал ему: «Ты мне племянник, сын родной сестры моей», – и начал водить его подле себя. Между тем схватили многих бояр в Киеве, служивших Ольговичам, и заставили их откупиться деньгами. Спустя четыре дня привели к Изяславу Игоря, схваченного в болоте; сперва отвели пленника в монастырь Выдубецкий; потом, сковавши, отослали в Переяславль и посадили там в тюрьму, в монастырь св. Иоанна; после чего киевляне с Изяславом разграбили дома дружины Игоревой и Всеволодовой, села и скот, много взяли всякого имения в домах и по монастырям. Брат Игоря, Святослав Ольгович, прибежав в Чернигов с малою дружиной, послал к двоюродным братьям, Владимиру и Изяславу; он спрашивал у них: «Стоите ли, братья, в крестном целовании, что целовали мне пять дней тому назад?» Те отвечали: «Стоим». Тогда Святослав велел сказать им: «Вот я вам оставляю здесь боярина своего Константина, неравно понадобится вам на чтонибудь», – а сам поехал в Курск утверждать жителей его в верности, а оттуда в Новгород Северский. Между тем Давидовичи стали совещаться друг с другом тайком от Святославова боярина; однако им не удалось утаиться: Константину дали знать, что Давидовичи думают схватить брата своего Святослава; Константин тотчас же послал сказать князю своему: «Князь! об тебе идет дело: хотят тебя схватить; если братья пришлют за тобою, не ездь к ним». В самом деле Давидовичи нарушили крестное целование, забыли страх божий и послали в Киев сказать Изяславу: «Игорь как тебе злодей, так и нам; смотри же, держи его крепко»; а к Святославу послали сказать: «Ступай из Новгорода в Путивль и от брата Игоря отступись». Святослав отвечал им: «Не хочу ни волости, ничего другого, только отпустите мне брата». Давидовичи велели сказать ему на это: «Целуй к нам крест, что не будешь требовать брата, не будешь искать его освобождения: в таком случае мы оставим тебя жить спокойно в своей волости». Святослав заплакал и послал в Суздаль, к князю Юрию, велел сказать ему: «Брата моего Всеволода бог взял, а Игоря Изя-

слав пленил: помилосердуй, пойдй в Русскую землю, в Киев, и сыщи мне брата; а я здесь, в надежде на бога, буду тебе помощником!» Узнав, что Святослав не хочет исполнить их волю, Давидовичи сказали: «Вот мы уже начали злое дело, так dokonчим братоубийство; пойдём, искореним Святослава и переймем волость его!»

Согласившись между собою, Давидовичи послали к Изяславу проситься у него идти на Святослава к Новгороду Северскому. Изяслав пришел к ним на сходку и сказал: «Возьмите с собою сына моего Мстислава с переяславцами и берендеями, да и ступайте на Ольговича на Святослава, ступайте поскорее, чтоб он не убежал от вас, и станьте около него! Когда вы утомитесь от войны, то я сам приду к вам на смену и стану около Святослава, а вы пойдёте домой». Урядившись таким образом, Давидовичи пошли к Новгороду Северскому; прибыв туда, они пустили стрельцов своих к городу, и сами стали полками, и начали биться с горожанами. Последним пришлось очень тесно от врагов: их притиснули к острожным воротам, и много было у них убитых и раненых. В то же время Святослав опять послал к Юрию Ростовскому; Юрий поцеловал крест, что будет искать ему Игоря, и точно собрался в поход. Изяслав, узнав, что Юрий идет на помощь к Святославу, сел на коня и пошел сам к Новгороду Северскому, а к Ростиславу Рязанскому послал сказать, чтоб воевал волость Юрия и не пускал его на юг. Тогда Ростовский князь, услышав, что рязанцы воюют его землю, отпустил к Святославу сына Ивана, а сам воротился назад. Давидовичи и Мстислав Изяславич, посоветовавшись, пошли и приступили к Путивлю. Но путивляне не сдались им до тех пор, пока не пришел Изяслав Мстиславич с силою киевскою. Граждане крепко бились со стен; Давидовичи подъехали к ним и сказали: «Не бейтесь! клянемся св. Богородице, что не дадим вас в полон!» Но граждане и тут не сдались им. Когда же пришел Изяслав Мстиславич с полками, то путивляне вышли к нему, поклонились и сказали: «Мы тебя только и ждали, князь! целуй нам крест». Изяслав целовал к ним крест и вывел прежнего посадника, а своего посадил. Двор Святославов разделили на четыре части, скот, мед и всякую рухлядь; в погребях было пятьсот берковцев меду да вина восемьдесят корчаг; и церковь св. Вознесения всю облупили, взяли сосуды серебряные, ризы, пелены, все шитое золотом, кадило, евангелия, книги, колокола; не оставили ничего, но все разделили по себе, между прочим и семьсот рабов. Когда Святослав узнал, что Изяслав Мстиславич город его взял, все имение и собирается идти далее, осадить его в Новгороде Северском, то созвал союзных князей, половецких ханов, всю дружину и сказал: «Вот идет на меня Изяслав Мстиславич: надобно какнибудь промышлять о себе». Ему отвечали: «Князь! ступай отсюда не мешкая; здесь тебе незачем больше оставаться, нет ни хлеба, ничего; ступай в лесную землю: оттуда тебе удобнее будет ссылаться с Юрием». Святослав послушался и побежал из Новгорода в Карачев; дружина же его – одни пошли за ним, другие оставили его, а жена и дети с ним пошли. Когда Изяслав Давидович услышал, что Святослав ушел из Новгорода, то сильно рассердился и стал говорить братьям: «Пустите меня за ним; хоть сам уйдет от меня, так жену и детей у него отниму и имение его захвачу». Выпросившись у Изяслава Мстиславича и у Владимира, брата своего, он поехал к Карачеву; Святославу дали знать, что Изяслав пришел на него с 3000 дружины: ему не оставалось теперь ничего больше делать, как либо отдать жену, детей и дружину в полон, либо сложить свою голову, и потому, подумавши с братьями, с половцами, и с дружиною, положился на бога и вышел навстречу к Давидовичу, и бог помог ему.

Когда Изяслав Мстиславич с Владимиром Давидовичем остановились в лесу обедать, вдруг прибежал к ним боярин и объявил, что Изяслав Давидович разбит Святославом. Сильно рассердился Изяслав Мстиславич, узнав об этом, потому что был храбр и крепок на рать; он тотчас исполнил свое все войско и пошел к Карачеву на Святослава; бежавшая дружина встречала его на дороге и снова возвращалась с ним к Карачеву; Изяслава же Давидовича долго не было, только к полудню пришел он в киевские полки. Изяслав Мстиславич и Владимир Давидович шли целый день до самой ночи к Карачеву и остановились, не дошедши до города;

и Святослав, узнав, что на него идут, бежал за лес, к вятчанам. Тогда Изяслав сказал Давидовичам: «Каких волостей вы хотели, то я вам сыскал; вот вам Новгород и Святославовы волости; что там будет в тех волостях Игорева имения, рабы ли, рухлядь ли какая, то все мое; а что будет Святославовых рабов и рухляди, то разделим на части». Так и сделали. Когда Изяслав возвратился в Киев, то пленник его, Игорь Ольгович, прислал к нему с просьбою: «Брат! – велел он сказать ему, – я сильно разболелся и прошу у тебя позволения постричься; у меня была мысль о пострижении, когда еще я владел княжеством, а теперь я очень разнемогся и не думаю, что останусь в живых». Изяслав сжалился и велел отвечать ему: «Если у тебя была мысль о пострижении, то теперь ты волен исполнить ее; но я выпускаю тебя и без того, для твоей болезни». Больного Игоря вынесли из темницы и перенесли в келью: он не был в состоянии ни пить, ни есть и просил епископа постричь его; потом, когда бог возвратил ему здоровье, его перевели в Киев, в монастырь св. Феодора, где он принял схиму.

В 1147 году пошел Юрий Ростовский воевать Новгородскую волость: взял Торжок, да и всю Мету побрал, а к Святославу прислал сказать, чтобы воевал Смоленскую волость; Святослав пошел и обогатил пленниками дружину свою. После этого Юрий опять послал сказать Святославу: «Приезжай ко мне, брат, в Москву». Святослав поехал и с сыном своим Олегом; последний приехал прежде отца к Юрию и подарил ему пардуса⁵. За ним приехал и Святослав и принят был Юрием очень любезно; на другой день Ростовский князь велел устроить большой обед и оказал большую честь гостям своим, богато одарил Святослава и сына его, не забыл и мужей Святославовых и отпустил их, обещаясь непременно прислать сына на помощь, что и сделал. Святослав, ободренный союзом с Юрием, начал войну, побрал всех вятичей и, соединившись с Глебом, с сыном Ростовского князя, и с половцами, шел далее. Тогда двоюродные братья его, Давидовичи Черниговские, и родной племянник, Святослав Всеволодич, послали сказать ему: «Не жалуйся на нас, но будем лучше за одно. Забудь наши обиды, возьми свою отчину, а что мы захватили твоего, то тебе назад отдадим», – и между тем послали сказать Изяславу, князю Киевскому: «Брат! вот Святослав Ольгович занял нашу волость – Вятичи; пойдем на него; когда его прогоним, то пойдем на Юрия в Суздаль и там либо с ним мир заключим, либо станем биться». Изяслав, ничего не зная, согласился идти с ними на Юрия и Святослава.

Тогда же и Святослав Всеволодич приехал к Изяславу в Киев и начал у него проситься, говоря: «Батюшка!пусти меня в Чернигов; там у меня вся жизнь; хочу просить волости у братьев, у Владимира и у Изяслава». Великий князь отвечал ему: «И давно бы тебе так сделать, сынок! ступай, готовься в путь». Святослав отправился в Чернигов. Тогда все черниговские князья, собравшись вместе и посоветовавшись, послали сказать Изяславу: «Земля наша погибает, а ты не трогаешься к нам на помощь». Изяслав созвал бояр своих, всю дружину, киевлян и сказал им: «Я сговорился с братьями своими, Давидовичами, и с Святославом Всеволодичем; хотим идти на дядю Юрия и на Святослава к Суздали за то, что Юрий принял врага моего, Святослава Ольговича, а там брат мой Ростислав сойдется с нами; он идет ко мне с смолянскими и с новгородцами». Киевляне, выслушав это, сказали: «Князь! не ходи с Ростиславом на дядю; лучше какнибудь с ним уладься; не верь Ольговичам и не ходи с ними вместе в путь». Изяслав отвечал: «Они целовали крест мне, я с ними вместе думу думал, и потому мне нельзя отложить похода». Киевляне сказали на это: «Князь! ты на нас не сердись, а на Владимирово племя мы рук поднять не можем; хочешь ли на Ольговичей, то пойдем и с малыми детьми». Изяслав отвечал: «Кто меня любит, тот пойдет за мной». Изяслава любили, и потому у него набралось множество войска, с которым он и выступил в поход. Но на дороге пришла к нему весть от приятелей его из Чернигова: «Князь! – велено было ему сказать, – не ходи дальше, ведут тебя лестию, хотят убить, либо взять в плен на место Игоря; крест целовали Святославу Ольговичу, потом послали и к Юрию со крестом, с ним вместе сговорились на тебя».

⁵ То есть барса, или, вернее, кожу барсовую.

Изяслав, услышав это, возвратился назад и отправил послов в Чернигов к Владимиру и Изяславу сказать им: «Вот мы замыслили великий путь и крест целовали, как деда наши и отцы всегда утверждались; но утвердимся еще, поцелуем крест в другой раз, чтобы на пути не было никакой распри и розни». Давидовичи отвечали: «К чему нам это без нужды еще крест целовать! уже целовали раз, а какая наша вина, что еще заставлять присягать?» Так и не согласились присягнуть вторично. Посол Изяслава говорил им: «Какой тут грех на любви крест целовать! то нам на спасение». Но князья никак не согласились. Изяслав наказал своему послу: «Если Давидовичи не станут целовать креста, то объяви им все, что мы про них слышали». Посол так и сделал; он сказал князьям «Великий князь вот что велел вам сказать: объявляю вам, братья, до меня дошла весть, что ведете меня лестью и Святославу Ольговичу крест целовали, что вам либо схватить меня на этом пути, либо убить вместо Игоря; правда ли это, братья, или нет?» Давидовичи не могли ничего отвечать, только посматривали друг на друга, долго молча, сказали послу Изяславову: «Выйди вон, посиди в сенях, а там опять позовем». Долго они думали вместе, потом позвали Изяславово посла и сказали: «Скажи от нас своему князю так: брат! точно мы целовали крест Святославу Ольговичу, потому что нам жаль брата своего Игоря; держишь ты его в плену, и он уже чернец и схимник, отпусти нашего брата, и мы будем подле тебя ездить; ведь и тебе не было бы любо, если бы мы брата твоего держали».

И так посол приехал назад и объявил Изяславу, что Давидовичи отступили от него; тогда великий князь отправил к ним снова посла с крестными грамотами и велел сказать им: «Вы присягнули быть со мною в союзе до самой смерти; я отдал вам волости Святославовы и Игоревы: я же с вами и Святослава прогнал и волость его для вас завоевал, отдал вам Новгород Северский и Путивль; имение его разделили мы на части, а Игореву взял я себе; а вот теперь, братья, крестное целование вы преступили, повели меня лестью на войну, хотели убить меня; но да будет со мною бог и сила крестная, а с вами как мне бог даст». Посол, проговоривши это, бросил им крестные грамоты.

В то же время Изяслав послал сказать брату своему, Ростиславу, князю Смоленскому: «Брат! вот Давидовичи крест к нам целовали и думали пойти с нами вместе на дядю; но все это они делали, замышляя коварство, желая убить меня. Бог и сила крестная обнаружили их замысел. Так теперь, брат, где было мы думали идти на дядю, уже не ходи туда, но ступай сюда ко мне; а там наряди новгородцев и смолян, пусть удержат Юрия, и к присяжникам своим пошли, в Рязань, и всюду». Тогда же Изяслав отправил посла в Киев, к брату своему Владимиру (потому что он его оставил в городе вместо себя), также к митрополиту Климу и к тысяцкому Лазарю, велел сказать им: «Созовите киевлян на двор к св. Софии; пусть мой посол скажет им речь мою и объявит о коварстве князей черниговских». Киевляне сошлись все от мала до велика к св. Софии, и когда стали на вече, то посол Изяслава начал говорить им: «Князь вам кланяется и говорит: я объявлял вам, что сговорился с братом Ростиславом и с Давидовичами идти на дядю Юрия, и вас взял с собою; но вы мне отвечали, что не можете поднять рук на Владимирово племя, на Юрия, а если на Ольговича, то пойдете охотно и с малыми детьми; так вот я вам объявляю: Давидовичи и с ними Святослав Всеволодич, которому я сделал так много добра, присягнувши прежде мне, теперь тайком от меня целовали крест Святославу Ольговичу; послали и к Юрию, а надо мною замыслили предательство, хотели либо схватить меня, либо убить за Игоря; но бог заступил меня и крест честной, который они мне целовали; теперь же, братья киевляне, чего вам хотелось, что обещали мне, то исполните: пойдите за мною к Чернигову на Ольговичей; собирайтесь все от мала до велика – у кого есть конь, тот на коне, а у кого нет, тот в лодке: ведь Ольговичи не одного меня хотели убить и вас думали искоренить». Киевляне отвечали: «Рады мы, что бог избавил нас и братью нашу от такого коварства; идем за тобою и с детьми, как того желаешь». Но в это время один человек сказал: «За князем своим мы рады идти, но прежде о том подумаем, не случилось бы и теперь того же, что тогда при Изяславе Ярославиче, как злые люди высвободили Всеслава из тюрьмы и поставили себе

князем, и много зла было от того нашему городу; а вот Игорь, враг князю нашему и нам, и не в тюрьме сидит, а в монастыре св. Феодора: убьем его прежде, а потом и пойдем к Чернигову за нашим князем; покончим с этими Ольговичами». Народ согласился, и все пошли на Игоря в монастырь Феодоровский. Тогда князь Владимир Мстиславич начал говорить народу: «Брат мой не приказывал вам этого делать: Игоря стерегут сторожа крепко; брат вам велел к нему идти, а не Игоря убивать». Киевляне отвечали: «Знаем мы, нам не кончать добром с этим племенем, ни нам, ни вам». Митрополит также запрещал им; и Лазарь тысяцкий, и Рачуйко, Владимиров тысяцкий, говорили им, чтоб не убивали Игоря. Но толпа не слушала; раздался крик, и все двинулись на убийство. Владимир сел на коня и хотел обогнать народ; но на мосту не мог проехать сквозь густые толпы, принужден был поворотить направо, мимо двора Глебова, и таким образом киевляне опередили его. Игорь, услышав, что народ идет на него, пошел в церковь и стал молиться со слезами; убийцы устремились на него, как звери свирепые, схватили во время обедни и разорвали на нем мантию. Игорь начал говорить им: «Законопреступные враги! зачем пришли убить меня как разбойника? разве вы не присягали мне в верности? но теперь я уже об этом позабыл, потому что бог сподобил меня принять чин монашеский». В толпе кричали: «Бейте, бейте!» Игоря раздели и поволокли из монастыря; тут в воротах встретил его Владимир; Игорь взглянул на него и сказал: «Ох, братец, куда это меня ведут?» Владимир соскочил с коня, и прикрыл Игоря, и сказал киевлянам: «Братья мои! ради бога не делайте этого зла, не убивайте Игоря», – и довел его уже до ворот матери своей; но тут начали бить Игоря, ударили и Владимира, который защищал его. Наконец Владимиру удалось было ввести Игоря на двор к матери своей и захлопнуть ворота; но убийцы выломали их и повергли Игоря на землю, потом поволокли за ноги, ругаясь царскому и священному телу, и волокли со Мстиславова двора через Бабин Торжок до княжеского двора, где его и прикончали; потом, положив труп на дроги, повезли на Подол, на Торговище, и кинули на поруганье; благочестивые люди прикрыли наготу его своими одеждами. Когда Владимиру сказали, что убитый Игорь лежит на Торговище, то он послал туда тысяцкого; тысяцкий приехал и сказал народу: «Вот уже Игорь убит, так по крайней мере похороним тело его». Киевляне отвечали: «Не мы его убили, но Ольговичи и Всеволодич, которые мыслили на нашего князя зло, хотели погубить его коварством; но бог за нашим князем и св. София». Тысяцкий велел взять Игоря и положить пока в церкви св. Михаила, а в субботу, на рассвете, погребли его в монастыре св. Симеона.

В это время Изяслав стоял с войском у верховья реки Супоя; сюда прислал к нему Владимир с вестию об убийстве Игоря. Изяслав заплакал, когда услышал об этом, и сказал: «Если б я знал, что случится, то отослал бы Игоря подальше, тогда можно было бы его уберечь»; и потом, обратившись к дружине, примолвил: «Теперь мне не уйти от людских речей; все будут говорить, что я велел убить его; но бог свидетель, что я не приказывал и не научал; так уж пусть бог рассудит это дело». Дружина отвечала ему: «Нечего тебе, князь, жалеть об Игоре, что тебе людские речи! Бог и все люди знают, что не ты его убил, а убили его братья родные: целовали к тебе крест и не сдержали клятву, лестью хотели убить тебя». Изяслав отвечал: «Ну уже коли так случилось, делать нечего, а ведь нам всем там быть, и бог рассудит между нами». После этого Изяслав послал в Смоленск за братом своим Ростиславом; и когда шел с полками к Переяславлю, пришла к нему весть, что уже Ростислав идет; посол Смоленского князя говорил Изяславу: «Брат велел тебе сказать: подожди меня, я здесь Любеч пожег, и много воевал, и зла Ольговичам много наделал; а потом оба вместе посмотрим, что нам бог явит». Услышав это, Изяслав пошел потихоньку, поджидая брата, и стал на Черной Могиле: здесь пришел к нему брат Ростислав с смолянами и со множеством войска. Изяслав очень обрадовался братнему приходу, поблагодарил бога и начал думать с Ростиславом, с дружиною и черными клобуками, как им идти против Ольговичей к реке Суле, где стояли враги. Ростислав сказал: «Бог нас свел вместе, а тебя, брат, избавил от великой беды, что хотели тебя взять, либо убить, а теперь, брат, мешкать нечего, пойдем на волю божию, как он нас с ними рассудит». Все согласились с ним

и двинулись на Сулу. Половцы, услышав, что Мстиславичи соединились и вместе идут на них, бросили Ольговичей и ушли к себе домой; Ольговичи поспешили к Чернигову, за ними пошли туда же Мстиславичи, пожгли по дороге четыре города, но до Чернигова не дошли, а воротились в Киев, сказавши дружине: «Приготовляйтесь все к той поре, как реки установятся, а там пойдем к Чернигову, и как нас с ними бог управит, так и будет».

Возвратившись в Киев, поклонившись святым церквам и попирававши, Изяслав сказал Ростиславу: «Брат! тебе бог дал верхнюю землю, и ты пойдя туда против Юрия Ростовского, там у тебя смоляны и новгородцы и другие присяжники, с ними и удерживай Юрия; а я здесь останусь, буду, с божиею помощиею, управляться с Ольговичами и Давыдовичами». Ростислав пошел к Смоленску, а Изяслав в 1148 году двинулся к Чернигову, совокупив всю свою силу, и пришедши стал на Ольгове поле. Прошло уже три дня, как он стоял тут, и черниговские князья не смели сделать вылазку из города, смотря спокойно, как Изяслав жег их села; наконец он сказал дружине: «Вот мы пожгли их села, а они все к нам не выходят; пойдем к Любечу, где у них все животы». Пошли киевские полки к Любечу, шли пять дней и стали у города. Тогда Ольговичи и Давыдовичи вышли из Чернигова, соединились с рязанскими князьями и половцами и стали за рекой, что течет у Любеча. В воскресенье Изяслав, исполнив своих воинов, пошел против них, но полкам его нельзя было перебраться на другой берег реки, и только стрелки могли иметь дело с неприятелем. Ночью пошел сильный дождь, и на другой день утром Изяслав, видя, что Днепр вздулся, сказал своим мужам и союзным венграм: «Здесь нам нельзя биться: река мешает; а там за нами Днепр расплывается, так пойдем лучше за Днепр». Сказавши это, Изяслав пошел за Днепр, в понедельник, а на другой день тронулся лед на реке, тогда как Изяслав по той стороне благополучно шел к Киеву; только одни венгры въехали на озеро, обломились на льду, и несколько человек утонуло. Изяслав воротился в Киев, хваля бога и силу животворящего креста, потом послал к брату Ростиславу с такими речами: «Брат! было бы тебе ведомо: ходили мы на Ольговичей к Чернигову, и я на Ольгове поле стоял и много им зла наделал, землю их повоевал, а они не посмели ко мне выйти биться полком; оттуда пошли мы к Любечу, и туда они к нам приехали, да река развела, нельзя было биться через реку; ночью шел сильный дождь, а на Днепре был лед лих, так мы и пошли на другую сторону; и так бог и святая богородица и сила животворящего креста привели нас в Киев здорову; а тебя, брат, спрашиваю: здоров ли ты и как тебе там бог помогает?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.